

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

17 апреля 2017 г. в Омском государственном техническом университете кафедрой «Отечественная история» был проведен круглый стол, посвященный 100-летию революции в России. В мероприятии приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты омских вузов.

Круглый стол привлек внимание известных омских историков, изучающих эпоху социальных катаклизмов в России. В числе выступивших были: доктор исторических наук, заведующий кафедрой «Отечественная история» Омского государственного технического университета Алексей Владимирович Сушко; доктор исторических наук, профессор кафедры «Общая экономика и право» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета Сергей Григорьевич Сизов; профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой «Управление развитием образования» Омского государственного педагогического университета Сергей Валентинович Новиков; профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история, социология и политология» Омского государственного педагогического университета Анатолий Алексеевич Штырбул; доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета Андрей Викторович Нехаев.

На обсуждение участников круглого стола были вынесены следующие вопросы:

- Русская революция в мировой истории и современной исторической памяти россиян: революция или переворот, триумф или трагедия, гордиться или каяться?
- Национальный аспект революции в России: «русская революция» или «заговор инородцев»?
- Образ социализма в массовых представлениях эпохи: «Мы наш, мы новый мир построим»?

Указанные проблемы обсуждались в широком историческом контексте, рассматривались сюжеты общероссийской и региональной истории. Дискутировались вопросы, связанные с влиянием Великой Русской революции на современное состояние российского общества, образование и воспитание молодежи. В ходе мероприятия развернулись жаркие дебаты по «узловым» проблемам российской истории, с подчас прямо противоположными оценками. Это отражает ситуацию с оценкой событий революции в России как в сообществе профессиональных историков, так и в массовом сознании россиян. Дискуссия помогла участникам круглого стола всесторонне взглянуть на события в России 100-летней давности, побудила к активизации научного творчества, направленного на изучение Русской революции.

Организаторы круглого стола выражают благодарность всем участникам мероприятия.

Мы предлагаем вниманию читателей ряд статей, подготовленных по итогам круглого стола.

*Заведующий кафедрой «Отечественная история» ОмГТУ А. В. Сушко
Адрес для переписки: Alexsushko@rambler.ru*

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: ПОРАЖЕНИЕ «НАЦИИ» ИЛИ ПОБЕДА «НАРОДА»?

В статье рассматриваются отношения между ведущими социальными силами Модерна — революцией и национализмом. Компаративный анализ семантических фреймов общественно-политической лексики Великой Французской и Великой Русской революций, образуемых словами-лозунгами «нация» и «народ», фиксирует имплицитное историко-структурное родство двух этих революций таким разным формам национализма, как гражданский и этнический. Трагические итоги революции 1917 года в России явились прямым или косвенным следствием того, что она велась не нацией, а народом.

Ключевые слова: Модерн, революция, народ, нация, национализм, история понятий.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00421.

Революция и национализм, безусловно, являются примерами двух наиболее влиятельных социальных сил мира Модерна (The Modernity, Der Modernität, la Modernité). Начиная с Великой Французской революции конца XVIII века и вплоть до конца XX века революции и национализмы почти всегда были вовлечены в одни и те же цепочки важнейших исторических событий. Большинство исследователей связывают такое совместное проявление в истории феноменов национализма и революции с их общими идейными корнями — дискурсом Просвещения¹, под прямым влиянием которого и сложилась практически вся значимая общественно-политическая лексика мира Модерна.

Однако может ли служить общее идейное происхождение революций и национализмов надежным свидетельством их предполагаемого историко-структурного родства? Робкие и довольно редкие попытки историков и представителей социальных наук отыскать ответ на этот вопрос, к сожалению, пока остаются неубедительными², либо сталкиваются на практике с непреодолимыми препятствиями. Обе эти силы — и революция, и национализм — на практике демонстрируют поразительное изобилие исторических форм, что в значительной мере усложняет (если вообще делает возможным) построение каких-либо четких и непротиворечивых классификаций этих двух влиятельнейших социальных сил мира Модерна³, а значит, и фактически полностью блокирует возможность их компаративного анализа.

Любая попытка подыскать если не окончательный, то хотя бы удовлетворительный ответ на вопрос об историко-структурном родстве феноменов революции и национализма требует от исследователей поиска и использования эвристически подходящего методологического инструментария, позволяющего релевантным образом сравнивать и сопоставлять эти две социальные силы мира Модерна. По счастью богатый инструментарий современной историографии, как кажется, вполне способен предложить исследователям искомый инструмент. Таким незаме-

мым в исследовательской практике исследовательским инструментом может стать методология истории понятий — Begriffsgeschichte⁴.

Исследовательские методы Begriffsgeschichte основываются на принципе темпоральности внутренней структуры дискурсивных единиц, употребляемых некоторой исторически сложившейся социальной группой. Такие дискурсивные единицы в исследовательской схеме Begriffsgeschichte играют роль своеобразных ячеек, в которых с течением времени слой за слоем оседают разнообразные социально значимые смыслы, фиксирующие не столько индивидуальный опыт носителей языка, сколько обладающие перформативной силой социальные интересы и ожидания. Именно эта заложенная в лексике перформативность социальных интересов и ожиданий на практике оказывается влиятельнейшим фактором событийной истории⁵. Подобная исследовательская стратегия позволяет иначе взглянуть на каузальный потенциал используемого исторически сложившейся социальной группой общественно-политического лексикона. Язык и дискурс здесь становятся реальными факторами истории, а семантика понятий наделяется собственной каузальностью в отношении социального, поскольку понятия, сочетая в себе одновременно область общего социального опыта (Erfahrungsbereich) и горизонт ожиданий (Erwartungshorizont), определяют долгосрочные тренды исторического развития соответствующей социальной группы [1, с. 28; также см.: 2, с. 35, 40, 44–45, 56, 59; 3, с. 55].

История понятия революция свидетельствует о том, что привычное историческое значение — «относительно быстрые, коренные перевороты в социальной и политической жизни общества»⁶ — оно приобретает в идейном контексте Просвещения [4, с. 521]. В лексеме «революции» были зафиксированы ставшие секулярными мессианские ожидания прогресса и лучшего будущего⁷. Сама же революция «... была освещена как нечто исторически необходимое, и способствовать ей стало делом, заслужива-

ющим одобрения, долгом» [4, с. 524]. Однако каждая подлинная революция в мире Модерна, в свою очередь, нуждалась в легитимирующих словах, — словах, оправдывающих радикальное политическое и социальное действие, предписываемое революцией⁸, — словах, которые бы позволяли морально оправдать *de jure* политически неправомерный и *de facto* связанный с насилием коренной переворот в жизни общества. Такими легитимирующими революцию в мире Модерна словами суждено было стать словам-лозунгам — нация и народ. Ключевая особенность этих слов-лозунгов (*Schlagworte*), отражающих свойственную миру Модерна идеологизацию и политизацию общественной жизни, заключается в том, что в каждом из них проявляет себя фактор реальной власти дискурса, позволяющий не только и не столько интерпретировать исторические события, но и управлять ими, фиксируя горизонт ожидания, связываемый социальной группой с тем или иным историческим событием.

Семантика лексем для слов-лозунгов «нация» и «народ» существенным образом различается⁹, и во многом именно на этом различии строятся отношения между двумя ведущими социальными силами мира Модерна — революцией и национализмом. Наиболее яркими иллюстрациями этих сложных и порой весьма запутанных отношений могут служить две «Великие» революции мира Модерна — Французская и Русская.

Горизонт ожидания Великой Французской революции семантически был заполнен понятием нации. Идея нации заключала в себе «символическое возвышение народа до положения элиты» [5, с. 46]. Однако нация не идентична с «населением государства», нация идентична с политически активными гражданами. Иными словами, нация отождествляется не с народными массами, а персонифицирует волю суверенного народа, утверждает «народную волю» в качестве «национальной», источником которой является эгалитарное общество свободных и равных граждан, и которая в силу этого требует для своей реализации представительное правление в форме национального государства.

Горизонт ожидания Великой Русской революции, напротив, семантически был заполнен понятием народа. Слово-лозунг «народ» являлось незаменимым средством легитимации любой радикальной революционной политической деятельности в России. Однако использование именно этого слова-лозунга размывало основания нарождающейся национальной идентичности, поскольку идея народа обычно ограничивается традиционными семантическими значениями, согласно которым народ отождествляется с совокупностью населения, проживающего на общей территории и заключающего в себе генетическую, политическую и культурную общность. Рассматриваемый как единое целое народ принимает образ коллективной личности, обладающей единой волей, которая требует отнюдь не представительства, а толкования [5, с. 15]. Слово-лозунг «народ» служит интересам не эгалитарных, а коллективистских идеологий, которые обычно авторитарны, поскольку в их основе лежит признание неустранимого неравенства между теми немногими, которые способны эту народную волю толковать, и остальными, которые должны им подчиняться.

Различие в горизонтах ожидания, связываемых с Великими Французской и Русской революциями, позволяет сделать определенные выводы о возможном историко-структурном родстве революции

и национализма — этих двух ведущих сил мира Модерна.

Прежде всего, и революция, и национализм служат социальными силами, которые заявляют об агентности интересов и ожиданий. Интересы и ожидания могут выступать в роли самостоятельных агентов истории. Фиксируемые с помощью определенных общественно-политических лексем интересы и ожидания структурируют поле политики, создавая необходимые условия для образования организованных и солидарных групп, связывающих свою судьбу именно с этими интересами и ожиданиями (элиты, контр-элиты, партийные и общественные движения и организации). В пике традиционному пониманию, согласно которому возникновение той или иной группы предшествует появлению интересов и ожиданий, история понятий настаивает на том, что интересы и ожидания предшествуют группам. Интересы и ожидания, наделяемые свойствами политического субъекта, сами создают или обрастают соответствующими солидарными и организованными группами. Как следствие, в подобных обстоятельствах приоритетное значение имеет тот общественно-политический лексикон, который будет использован для артикуляции этих интересов и ожиданий.

Революция национальная (интересы и ожидания которой артикулируются при помощи слова-лозунга «нация») и революция народная (интересы и ожидания которой артикулируются при помощи слова-лозунга «народ») имплицитно содержат в себе два разных тренда исторического развития¹⁰ и в силу этого способны сочетаться только с принципиально разными формами национализма¹¹.

Национальная революция, подобная Великой Французской, комплементарна эмансипирующей силе национализма¹², которая обычно находит выражение в той или иной партикулярной доктрине гражданского национализма. Народная же революция, подобная Великой Русской, напротив, комплементарна репрессивной силе национализма, манифестируемой различного рода эксклюзивными формами этнического национализма. Великая Французская революция приравнивала народ (по крайней мере, в лице третьего сословия¹³) к нации, Великая Русская революция, напротив, растворила нарождающуюся нацию в безликих народных массах. Великая Французская революция сменила Старый режим (*L'ancien régime*) национальным государством, Великая Русская революция — государством партийным.

Национальные революции совершаются от лица нации и в интересах нации, народные же — от лица народа в интересах новых политических элит. В отличие от нации, сама идея которой основывается на принципе представительства, народ для своего существования вовсе не требует никакого политического представительства. «Народ» — плохой политический концепт, поскольку он лишен политического значения и субъектности в дискурсах как революции, так и национализма. Националистический дискурс видит его очевидно бессмысленным в том отношении, что это концепт, за которым прячутся некие широкие массы с принципиально неопределенным чувством собственной идентичности¹⁴. Революционный же дискурс, хотя иногда и прибегает к помощи этого очевидно старорежимного концепта, делает это, однако, обычно в интересах политической демобилизации широких масс. В политическом отношении народ здесь не является субъектом революционных событий и, следовательно, не извлекает из них никакой практической пользы. Поэтому не стоит удивляться,

что, оценивая те или иные события в истории того или иного народа, мы иногда описываем их как национальные катастрофы, выражая зачастую искреннее удивление в отношении случившегося. Однако, как нас учит история понятий, такому положению дел вовсе и не стоило бы удивляться, поскольку, в отличие от нации, народ обычно безмолвствует.

Примечания

¹ Индийский социолог Кришан Кумар, в частности, напрямую утверждает общность происхождения феноменов национализма и революции: «Национализм и революция по своему происхождению принадлежат к одной и той же семье. Оба они являются продуктом идей и практик Просвещения, которые, в частности, благодаря американской и французской революции, сыграли важную роль в создании мира Модерна» [6, р. 603; ср. с этим: 7, с. 49–50; 8, р. 368–369, 377, 379–380; 9, с. 703].

² Английский этнограф Фируз Унвалла в своем аналитическом отчете о прошедшей в апреле 2013 года в Лондоне XXIII ежегодной конференции по изучению этничности и национализма (ASEN – 2013) не без иронии пишет: «Эти термины [национализм и революция. — Прим. А. Н.] часто упоминаются в одной и той же строчке — в названиях книг и статей, многие из которых, однако, не предлагают для нас ничего полезного, кроме признания факта одновременного существования этих феноменов в одном и том же месте и в определенное время» [10, р. 582].

³ «Никакой метод классификации национальных движений, использующий какие-либо политические, моральные или даже объективные критерии, никогда не создаст прочную типологию «национализмов»...» [8, р. 369], именно так, в свойственной ей лаконичной манере, израильская этнограф Хедва Бен-Израэль выразила распространенный среди исследователей скепсис относительно возможности создания надежной классификации национализмов [также см. 8, р. 386–387].

⁴ Begriffsgeschichte («История понятий») — оригинальная и довольно обширная исследовательская традиция, которая сложилась в 1960-е–1970-е годы в Германии, а затем оказала значительное влияние на развитие современной социальной истории. Начало этой традиции было положено группой немецких историков во главе с Рейнхартом Козеллеком, Отто Бруннером и Вернером Кондце, подготовившими энциклопедический компендиум «Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-socialen Sprache in Deutschland» («История понятий. Словарь политико-социального языка в Германии»), который включал в себя сведения по исторической семантике политико-социального лексикона немецкого языка.

⁵ Немецкий историк Ингрид Ширле довольно лаконично выразила подобную особенность историко-семантического подхода, практикуемого сторонниками Begriffsgeschichte: «Понятия являются индикаторами и движущими силами происходящих в обществе исторических процессов» [11, с. 6].

⁶ Подобное значение понятия «революция» можно рассматривать как «ядерное», поскольку в действительности оно принадлежит не только категориям общественно-политической практики, но и аналитическим категориям, с помощью которых социальные науки трактуют, интерпретируют и объясняют этот феномен. Чтобы в этом убедиться, достаточно сослаться, в частности, на разделение большинством представителей социальных наук дефиницию Самуэля Хантингтона, согласно которой революции являются быстрыми, коренными преобразованиями социально-экономических и политических институтов общества [12, р. 264].

⁷ Авторы специально написанной для «Historisches Lexikon zur politisch-socialen Sprache» статьи о революции — немецкие историки Найтхард Бульст, Райнхарт Козеллек, Кристиан Майер и Йорг Фиш — акцентируют важность значения секулярно-месснианских корней для современного понятия револю-

ции: «... с появлением нового (modern) понятия «революция» вечное блаженство переместилось в контекст такого будущего, которое можно было создать политическими средствами и которого прежде религиозным, ожидание вечного блаженства... Новое время наполнило собою понятие революции, где это понятие было ориентировано на цель, определяющуюся как земное счастье и свобода от господства» [4, с. 524].

⁸ В противном случае понятие «революции» должно было бы браться в кавычки, поскольку семантически отсылало бы нас не к коренным социально-политическим переворотам, а не более чем к мятежам, бунтам, восстаниям и волнениям, т.е. — массовым политическим акциям, которые не несут в себе какие-либо четкие горизонты ожидания для самих участников этих акций.

⁹ Американский историк Ханс Кон, сделавший помимо прочего внушительный вклад в изучение национализма, в частности, отмечал, что: «В XVII и XVIII веках «нация» часто противопоставлялась «народу» (people). Этот термин указывал на сознательную и активную часть народа, в то время как термин «народ» означал политическую и социально более пассивные массы» [7, с. 56].

¹⁰ Примечательно, что подобное различие можно встретить уже в конце XVIII века, например, в работах немецкого философа Иоганна Беньямина Эрхарда, который писал в своем труде «Über das Recht des Volkes zu einer Revolution» («Право народа на революцию»): «Man muss hier einer revolution des volkes von einer revolution, die nur vermittelt des volkes durchgesetzt wird, unterscheiden» [13, s. 180]. Иными словами, он подчеркивал и настаивал на том, что следует проводить принципиальное различие между революцией народа (т.е. национальной революцией) и революцией, которая лишь совершается с помощью народа (т.е. народной революцией), ибо для революции народа сам народ есть главное действующее лицо и основной политический субъект, в то время как для революции с помощью народа он есть не более как участвующий зритель.

¹¹ В этом отношении имеет смысл признать правоту тех исследователей, которые в той или иной форме эксплицитно фиксируют историко-структурное родство этих двух ведущих сил мира Модерна [например, см.: 6, р. 590; 8, р. 373–374; 14, р. 43; 15, р. 15–16]. Например, Хедва Бен-Израэль замечает, что «национализм был изобретен не для борьбы с революцией, а вырос в ней как логически неизбежное следствие» [8, р. 377]. Однако в то же самое время весьма примечателен и тот факт, что первые случаи употребления слова «национализм» — «nationalismus» Иоганна Готфрида Гердера и «nationalisme» аббата Огюстена Баррюэля — были прямо или косвенно ориентированы на критику Великой Французской революции.

¹² Именно это важное обстоятельство, в частности, подчеркивал Ханс Кон: «Национализм принес с собой интеграцию народа в нацию, пробуждение масс к политической и социальной активности» [7, с. 56].

¹³ Достаточно здесь напомнить о знаменитой январской прокламации 1789 года аббата Эммануэля-Жозефа Сийеса «Qu'est-ce que le Tiers-Etat?» («Что такое третье сословие») [16].

¹⁴ Народ не может служить интересам высшей лояльности, которую по отношению к себе требует нация; как замечает в этой связи Ханс Кон: «... массы никогда не считали, что жизнь — в культурном, политическом или экономическом аспекте — зависит от судьбы их национальной группы» [7, с. 41].

Библиографический список

1. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 23–33.
2. Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история ментали-

тета: сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 34–65.

3. Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 248 с. ISBN 5-86793-348-2.

4. Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // Словарь основных исторических понятий: избр. ст.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 520–728.

5. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с. ISBN 978-5-9292-0164-6.

6. Kumar K. Nationalism and Revolution: Friends or Foes? // Nations and Nationalism. 2015. Vol. 21. № 4. P. 589–608. DOI 10.1111/nana.12135.

7. Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма: сб. / под ред. Р. Брубейкера. М.: Новое изд-во, 2010. С. 27–61. ISBN 978-5-9837-9139-8.

8. Ben-Israel H. Nationalism in Historical Perspective // Journal of International Affairs. 1992. Vol. 45. № 2. P. 367–397.

9. Вернер К. Ф., Гцницер Ф., Козеллек Р., Шёнеман Б. Народ, нация, национализм, масса (Volk, Nation, Nationalismus, Masse) // Словарь основных исторических понятий: избр. ст.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 2. С. 322–752.

10. Unwalla P. Nationalism and Revolution // Nations and Nationalism. 2015. Vol. 21. № 4. P. 579–588. DOI 10.1111/nana.12134.

11. Ширле И. Основные исторические понятия («Grundbegriffe») // Словарь основных исторических понятий: избр. ст.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 6–13.

12. Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006. 488 p.

13. Erhard J. V. Über das Recht des Volkes zu einer Revolution. Jena & Leipzig: Cristian Grost Gabler, 1795. 196 s.

14. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge MA: Harvard University Press, 1994. 270 p.

15. Hearn J. Rethinking Nationalism: A Critical Introduction. New York: Palgrave MacMillan, 2006. 272 p.

16. Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие. URL: http://istmat.info/files/uploads/28691/sieyes_que-un-tel-troisieme-etat.pdf (дата обращения: 01.04.2017).

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социальные коммуникации».

Адрес для переписки: A_V_Nehaev@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017 г.

© А. Н. Нехаев

УДК 947

А. В. СУШКО

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

«РУССКАЯ» VS «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ»: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ХАРАКТЕРА РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Статья посвящена определению характера революции в России. Поддерживается точка зрения о единой Русской революции, в которой Февраль и Октябрь были важнейшими этапами. Автор приходит к выводу, что Русская революция, поставив на повестку дня идею социальной справедливости, должна была поставить и вопрос о создании современной русской нации, основанной не только на гражданской принадлежности, но и на общих ценностях культуры, языке, истории. Однако элитой этого не было сделано. В результате социалистическая революция в России по характеру стала еще и антирусской. Пагубные последствия этого Россия переживает до сих пор.

Ключевые слова: революция в России, Русская революция, Российская революция, Февральская революция, Октябрьская революция.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00421.

В российской исторической науке, активно отмечая 100-летний юбилей революции в России, широко утверждаются ее наименования как «Великая Российская революция» и «Великая Русская революция». Такие оценки революционных событий в России подразумевают рассмотрение Февраля и Октября как важнейших этапов единой революции, что вызывает споры в научном сообществе. Кроме того, характеристика революции как «Русской»/«Российской» также представляется неоднозначной как ввиду ее специфики, так и по причине современных споров вокруг строительства российской

нации, для которого оценка исторического прошлого крайне важна. Цель данной работы — рассмотреть возможные доводы в пользу использования названия «Русская/Российская» и высказаться в поддержку точки зрения, согласно которой в России была одна революция.

Определение революции в России зависит от методологического подхода к ее изучению. На первый взгляд, если характеризовать революцию с опорой на официальное название государства, которое в тот период называлось Российской империей, то название «Российская» представляется бесспорным.

Однако современники революционных событий чаще употребляли название «Русская революция», исходя из того, что Российская империя законодательно считалась «государством русского народа», который стоял у истоков его образования и составлял абсолютное большинство населения. В этой связи А. И. Деникин, глубоко разобравшийся в причинах и характере революционных событий, назвал свой знаменитый труд «Очерки русской смуты», где в первом же предложении первой главы речь идет о «крушении русской государственности» [1, с. 61].

До настоящего времени изучение национального аспекта революции в России в большинстве своем представлено работами, посвященными истории суверенизации отдельных народов страны. При этом роль самого многочисленного, державообразующего русского народа, являющегося ядром российской цивилизации, в революционных событиях, как правило, рассматривалась в социально-классовом аспекте и изучена недостаточно. Народы, проживавшие в Российской империи, в ходе революции активно суверенизировались, обретая национальную государственность, в то время как русский народ выступил на сцену истории с новой мессианской идеей построения социалистического общества. Об этом в годы революции и Гражданской войны одним из первых написал Н. А. Бердяев: «Русский коммунизм более традиционен, чем обыкновенно думают, и есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи» [2, с. 397]. Следует отметить, что идея о русском мессианизме прочно закрепилась в современной историографии. Известный британский русист Дж. Хоскинг назвал одну из частей своей монографии «Социалистическое мессианство», где пишет: «Пьянящий сценарий, в котором Россия выступает в роли детонатора мировой революции, вдохновил Ленина и в решающий момент помог выкристаллизоваться его идеям. Он манил его грандиозной картиной того, как русская революция пролетариата и беднейшего крестьянства высекает искру мировой революции против империализма. В этом заключалась суть глобальной миссии Советского Союза» [3, с. 32].

О единстве Февраля и Октября писали и сторонники, и противники революции. Л. Д. Троцкий в работе «Истории Русской революции» настаивал на том, что «Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции» [4, с. 24]. Его идеологический оппонент, известный русский эмигрантский историк А. А. Керсновский утверждал, что «русская революция представляет одно и нераздельное и неразрывное целое». Историк, справедливо критикуя точку зрения о «хорошем» Феврале и «плохом» Октябре, возлагал вину за трагедию русского народа, в первую очередь, на политиков Февраля, не снимая ответственности за историческую драму русского народа и с Октября. Он писал: «Вина Ленина, зря погубившего тридцать миллионов русских жизней, огромна. Но еще больше ответственность Керенского, давшего возможность Ленину погубить эти тридцать миллионов жизней. Это самая страшная ответственность, какую знает История...» [5, с. 327–328]. Из многочисленных оценок современных историков, оценивающих Февраль и Октябрь как неотъемлемые части единого революционного процесса в России, нам наиболее близок взгляд Е. В. Лукова, который отмечает, что «в программе (лозунгах) большевиков население увидело свой идеал будущего справедливого устройства общества. Этим объясняются поддержка (или, во

всяком случае, нейтралитет) в отношении Октября и довольно быстрое установление Советской власти по стране. Следовательно, Февраль открыл дорогу не только буржуазно-демократическому развитию страны, но и новому направлению революции, олицетворяемому Октябрем. Октябрь — это порождение Февраля, в этом единство революции 1917 г.» [6, с. 81].

Для тезиса о единой Русской революции крайне важно подчеркнуть, что антирусская сущность революции не была только «заслугой» Октября. Большевики продолжили дело, начатое Февралем. В этом отношении показательно, что Временное правительство своим указом лишило Русскую Православную Церковь (РПЦ) церковно-приходских школ. 20 июня 1917 года постановлением, подписанным министром народного просвещения А. А. Мануйловым, предписывалось передать в ведение министерства учебные заведения всех ведомств, в том числе и церковно-приходские школы, включенные в школьную сеть и получавшие от казны пособия. Целью этой акции называлось «действительное и планомерное осуществление всеобщего обучения». Ближайшее заведение всеми начальными училищами переходило в руки органов местного самоуправления [7, с. 96]. Большевики не имели к этому решению власти отношения. Кадетами и умеренными социалистами (эсерами и меньшевиками), отрицательно относившимися к церковно-приходским школам, тесно связанным с прежним устройством империи, РПЦ лишалась традиционного для русской культуры института, дававшего возможность воспитывать подрастающее поколение. Большевики, придя к власти, продолжили политику по борьбе с РПЦ, начатую Временным правительством. Они выбрали ее наиболее радикальный вариант, перейдя от политики ограничения влияния РПЦ к государственному террору в отношении ее служителей.

Для национального бытия русского народа революция стала катастрофой. Русские потеряли статус державного народа, закрепленный законодательно в Российской империи. Россия перестала быть государством русского народа, когда-то ее создавшего. Революция лишила русский народ права развивать свою национальную культуру, поскольку русская православная культура стала преследоваться государством. Пришедшие к власти в России большевики провозгласили курс на построение социалистического общества и создание нового человека. Русская культура служила препятствием на этом пути. Поэтому ее элементы безжалостно уничтожались победившими в Гражданской войне коммунистами. Их отношение к русскому прошлому России наглядно демонстрирует знаменитое стихотворение пролеткультовца Джека Алтаузена. Этот поэт революции выступал с совершенно дикой для нас революционной инициативой:

«Предлагаю Минина расплавить...
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.

Случайно мы им не свернули шею.
Я знаю: им было бы под стать.
Подумаешь — они спасли Расею!
А может, лучше было не спасать?»

В 1920-е годы, стараясь стереть историческую память народа, коммунисты объявили войну русской

истории. Исследователь А. И. Вдовин в этой связи обращает внимание на то, что дело дошло до того, что конференция историков-марксистов «установила» в январе 1929 года полную неприемлемость термина «русская история» из-за того, что этот старый, унаследованный от царской России термин был будто бы насыщен великодержавным шовинизмом, прикрывал и оправдывал политику колониального угнетения и насилия над нерусскими народами [8, с. 29].

Бесправие русского народа, утвердившееся вследствие победы Русской революции, признается некоторыми пытающимися объективно посмотреть со стороны на его историю западными советологами. Ужасающие итоги революции для русских, оказавшихся в границах коммунистического СССР, подчеркивает Дж. Хоскинг: «Русские оказывались, так сказать, сиротами в Советском Союзе. У них не было коммунистической партии, не было столицы, не было Академии наук, национальной энциклопедии, радио или телевидения, так как все это было всесоюзным. У них не было средств защищать собственные интересы, когда они сталкивались с интересами других национальностей» [3, с. 99].

Для понимания революционного процесса в России необходимо обращение к национальной истории и культуре народа, совершившего революцию. Выдающийся отечественный историк Б. Г. Могильницкий, для которого революция в России была «Русской», для ее изучения перспективным считал «историко-ментальный подход» [9, с. 14]. Данный подход можно плодотворно применить для изучения участия русского народа в революционных событиях, памятуя о том, что выдвинутая на знамена революции мессианская идея социальной справедливости органично связана с русской культурой и самосознанием русского народа. Этот довод служит в пользу наименования Русская революция. Если же использовать название Российская революция, то возникает проблема применения историко-ментального подхода. Ведь «российского народа» и «российской культуры» в 1917 г. просто не было.

Показательно, что находившаяся в эмиграции русская интеллектуальная элита была озабочена сохранением культурного достоинства дореволюционной России и делала акцент именно на сохранении национальных традиций русской культуры и русском нациестроительстве. В этой связи, изучив работы философа Г. П. Федотова, посвященные национальному вопросу, исследовательница Ж. А. Гумерова пишет: «Существование единого государства предполагалось под водительством русской нации, интеллигенция которой должна способствовать развитию культуры, являющейся духовным притяжением народов, способствующим приобщению народов России к мировой цивилизации. Схожий вариант разрешения проблемы предлагал П. Новгородцев, также замечавший сложность формирования русского национального сознания. Он писал, что объединение народов, живущих в России, может происходить вышшим началом — «преданностью русской культуре и русскому народу», что, однако, не означало «отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения» [10, с. 76]. Русская эмиграция запоздало извлекла урок из Русской революции, осознав пагубность отрицания русской национальной идеи ради мессианских идеалов социализма.

Революция во имя построения нового социалистического общества в России с перспективой экспорта социализма по всему миру должна была уничтожить традиционную русскую культуру. Куль-

туру державного народа, образовавшего государство, создавшего Россию совместно с другими народами, вовлеченными в орбиту его национального развития. О национальной противоречивости Русской революции, связанной с ее антирусской направленностью, в ее крайней форме заданной большевиками, писали многие отечественные мыслители. Участник антибольшевистского движения на востоке России, видный политический деятель Белой Сибири Г. К. Гинс, находясь в эмиграции, писал: «И вот, как бич Божий, пришли большевики. Они — олицетворение всех смертных грехов исторической русской деспотии и преступной самонадеянности интеллигенции. С такой холодной бессердечностью, с такой утонченной жестокостью наслаждаться, как мучится русский народ в приготовленных для него тисках и как разрушается для него на многие годы возможность насладиться культурной жизнью, могут только нерусские души. И действительно, коммунистическая революция творится по преимуществу интернациональным сбродом. Но замысел был русский, и смелость опыта над целым народом — это тоже исконная русская смелость» [11, с. 622].

Как отмечает современный исследователь Русской революции В. Б. Шепелева, «объективная психосоциальная, ментальная картина революции — это картина потрясающих контрастов» [12, с. 359]. Революция в России имела русские идейные и ментальные основы. Чувствовавшие это русские поэты А. А. Блок, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. Д. Дрожжин, В. Я. Брюсов писали о В. И. Ленине как о народном вожде [13, с. 405]. Русская революция пожертвовала «русским» во имя мессианской общечеловеческой идеи социализма. С. Л. Франк лаконично определил эту жертву как «самоубийство великого народа» [14, с. 251]. Жертвенность для спасения других — ментально — это русская черта. Это черта культуры русского народа, из-за которой американцы в XX столетии небезосновательно называли русских «народом без интересов». Не ставя под сомнение величие идеи социальной справедливости выдвинутой Русской революцией, отметим ее родовую болезнь — доктринальное отрицание русской национальной идеи во имя интернационального спасения человечества. Русская революция должна была поднять на свои знамена помимо идеи социальной справедливости идею русской нации. Одним из аспектов революционной модернизации жизни державообразующего русского народа должно было стать нациестроительство русской нации. К сожалению, политическая элита оказалась на это не способной. Осмысливая этот трагический урок, философ П. Б. Струве писал: «Жизненное дело нашего времени и грядущих поколений должно быть творимо под знаменем и во имя нации» [15, с. 248].

Мессианский социалистический эксперимент, начатый в XX столетии в результате победы революции в России, провалился к концу XX века. Объяснение этого провала, с точки зрения цивилизационной теории, представляется очевидным. Русский народ и русская культура веками служили цивилизационным ядром российской цивилизации и укрепляли основы государства. Угасание национального русского вследствие целенаправленной политики советского государства неизбежно обернулось кризисом цивилизации, потерявшей культурную основу своего бытия и распадом России, утратившей свои исконные земли и значительную часть геополитического могущества. Современная Российская Федерация не извлекла из этого урока. В ней, как

и в СССР, русские остаются «народом без государства», а власти, игнорируя советский опыт неудачного построения «новой исторической общности — советский народ», всерьез обсуждают перспективу строительства «российской нации», не имеющей за собой истории.

Русская революция, поставив на повестку дня идею социальной справедливости, должна была поставить и вопрос о создании современной русской нации, основанной не только на гражданской принадлежности, но и на общих ценностях культуры, языке, истории. Однако элитой этого не было сделано. В результате социалистическая революция в России по характеру стала еще и антирусской. Исторический урок революции о необходимости строительства русской гражданской нации, основанной на культуре народа, стоявшего у истоков российской государственности, не извлечен до сих пор.

Библиографический список

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917) / предисл. А. С. Пученкова. М.: Айрис-пресс, 2017. 672 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
3. Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / пер. с англ. В. Артемова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 544 с. ISBN 978-5-86793-978-6.
4. Троцкий Л. Д. История русской революции. В 2 т. Т. 1. Февральская революция / общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого; примеч. В. Иванова. М.: ТЕРРА; Республика, 1997. 464 с.
5. Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. / коммент. С. Г. Нелиповича. М.: Голос, 1994. Т. 4. 368 с. ISBN 5-7117-0014-6.
6. Луков Е. В. К вопросу о закономерности и характере революции 1917 года // Русская революция в контексте истории: материалы регион. науч. конф. Томск, 6–8 ноября 2007 г. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. С. 76–82.
7. Житенев Т. Е. Церковно-приходские школы в политике Временного правительства // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 3 (16). С. 91–100.

8. Вдовин А. И. Русские в XX веке. Факты. События. Люди. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 448 с.

9. Могильницкий Б. Г. Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к ее осмыслению // Русская революция в контексте истории: материалы регион. науч. конф. Томск, 6–8 ноября 2007 г. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. С. 6–34.

10. Гумерова Ж. А. Проблема формирования русского национального сознания в XX в. в интерпретации Г. П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 75–80.

11. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2013. 672 с. ISBN 5-8112-4563-7.

12. Шепелева В. Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии): моногр. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 704 с.

13. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.): коллектив. моногр. / Отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.

14. Франк С. Л. De profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. С. 251–269. ISBN 5-211-02404-4.

15. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. С. 235–250. ISBN 5-211-02404-4.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой «Отечественная история» Омского государственного технического университета; профессор кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины» Омского автобронетанкового инженерного института.

Адрес для переписки: Alexsushko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2017 г.

© А. В. Сушко

Книжная полка

Георгиева, Н. Г. Историческое источниковедение. Понятийно-терминологические и методические проблемы : учеб. пособие / Н. Г. Георгиева. — М. : Проспект, 2017. — 192 с. — ISBN 978-5-392-24057-9.

Курс «Источниковедение» входит в блок обязательных учебных дисциплин по специальности «История». Учебное пособие является продолжением учебника Н. Г. Георгиевой «Источниковедение: теоретические проблемы», составляя с ним единый учебный комплекс, в первой части которого рассмотрены теоретико-методологические и историографические, а во второй — понятийно-терминологические и методические проблемы источниковедения.

Учебное пособие содержит обобщенную информацию о накопленном историками XVIII–XX вв. опыте решения теоретико-методических проблем исторического источниковедения. Рассмотрены вопросы: структура источниковедческого исследования; названия, цель и задачи его трех частей (эвристический, текстологический и герменевтический этапы); понятия «патернизация источника», «двойная» и «дублирующая датировка», «генеалогическое родство» и «генетические связи источников»; методика эвристической работы исследователя, установления авторства, хронологической и пространственной локализации источников, их полноты и достоверности их информации.

Для преподавателей, аспирантов, магистров, бакалавров и студентов, специализирующихся в области гуманитарных наук, а также всех интересующихся историей отечественной исторической науки.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СОБЫТИЙ СЕНТЯБРЯ — НАЧАЛА ОКТЯБРЯ 1917 г. В ОМСКЕ И ОМСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ

Исследование посвящено революционным событиям сентября—октября 1917 г. в Омске и Омском военном округе. В статье доказывается, что значение данных событий, направляемых левым блоком местных просоветских политических сил, вышло за пределы Омска и региона и стало одним из ярких проявлений общенационального политического кризиса осени 1917 г., предшествовавшего Октябрьской революции.

Ключевые слова: Омск, Западная Сибирь, революция, Советы, социалистический выбор, левый блок, «красный пояс».

В 1927 г. историк-краевед и свидетель событий Ф. Виноградов в статье, посвященной юбилею октябрьских событий в Омске, высказал мысль о том, что революционные силы Омска в сентябре—октябре 1917 г. добились значительных успехов, и что Советская власть в городе существовала уже тогда: «По существу, в Омске власть уже находилась в руках Советов за два месяца до Октябрьской революции» [1]. Однако в 30-е—50-е гг. это оригинальное положение не могло получить научной проверки: по устоявшимся историографическим штампам того времени Советская власть нигде в провинции не могла быть установлена ранее 25 октября 1917 г., тем более там, где в это время (в сентябре—начале октября 1917 г.) не было пока еще самостоятельной и сильной организации РСДРП(б).

Но не намного яснее обстояло дело и в исследованиях конца 50-х—80-х гг.: в это время омские историки традиционно записывали все революционные события и достижения весны—осени 1917 г. на счет местных большевиков, а о революционной деятельности и роли других левых политических сил совсем или почти не упоминали. Деятельность такого важнейшего органа власти, как Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии (ЗСОКРД) либо вообще обходилась стороной, либо затрагивалась лишь мельком, без углубления в детали [2—7]. Причина невнимания была проста и банальна: этот революционный орган власти не был большевистским.

Важным прорывом в исследовании проблемы реальной власти ряда Советов Сибири «дооктябрьского» периода стали выводы известного сибирского советского историка В. Т. Агалакова, показавшего в общем контексте истории Советов Сибири 1917—1918 гг. в том числе и те Советы, которые уже в начале осени 1917 г. реально осуществляли власть, хотя и не во всей полноте и не в качестве органов диктатуры пролетариата, а революционно-демократической диктатуры [8, с. 68—79]. Другой известный сибирский историк, В. С. Познанский, используя данные из ранее неизвестных документов и приводя

новые факты, не вписывающиеся в старую схему, сумел передать драматизм сентябрьско-октябрьских событий в Омске и Омском военном округе, но от выводов о характере данных событий и о качественно новом уровне происшедшего все же в целом воздержался [9, с. 59—74]. Интересно, что феномен локальных самочинных «советских республик» — своеобразных звеньев «красного пояса» на территории дооктябрьской России 1917 года, как самостоятельный предмет исследования, был рассмотрен в емкой и содержательной статье А. С. Смирнова, но, к сожалению, омские события сентября—начала октября 1917 г., — ярчайшее явление в этом ряду — там не были даже упомянуты [10]. Заметным вкладом в понимание событий 1917 г. в Омске и прилегающем к нему регионе стала работа В. Б. Шепелевой, в которой политический процесс в Омске и Омском Прииртышье, в том числе события сентября—начала октября и деятельность ЗСОКРД, рассмотрены автором в преломлении оригинальной научно-практической концепции *революционно-демократической альтернативы* [11].

Однако до настоящего времени важнейшая страница революционных событий 1917 г. в Омске остается в концептуальном плане и по существу почти неисследованной. Настоящая статья призвана хоть в какой-то мере восполнить данный пробел и ответить на вопрос: каков же характер процессов и событий, происходивших в Омске, а также на территории части Западной Сибири и Омского военного округа (ОмВО) в конце августа, сентябре и начале октября 1917 г.?

25 августа¹ 1917 г. главнокомандующий Русской армией генерал Л. Г. Корнилов отдал приказ о движении верных ему войск на Петроград с целью не только подавить нарастающую революцию, но и ликвидировать режим буржуазно-демократической республики. Конечной целью августовского выступления было установление открытой военно-террористической буржуазно-помещичьей диктатуры. Сторонники Л. Г. Корнилова активизировались в ряде регионов России, в том числе и в Сибири.

В ответ на это в стране произошел новый революционный подъем, на короткое время объединивший разные политические силы — от большевиков и левых эсеров — до эсеров-центристов и меньшевиков. Корниловский мятеж был подавлен в течение недели. Решительный отпор получили сторонники генерала Корнилова в разных концах страны, в том числе и в Сибири. Особенно активно против корниловщины действовали в регионе революционные и демократические силы Омска, Томска, Красноярска, Черемхово.

В эти дни в Омске был создан чрезвычайный орган — Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии (ЗСОКРД), в который вошли представители Западно-Сибирских Советов, Военно-Окружного комитета (ВОКом), организаций социал-демократов (большевиков и интернационалистов) и эсеров. В его руководящий (исполнительный) орган вошли: Федько (левый эсер), Новосёлов, Паскевич, Щеглов (умеренно правые эсеры или центристы), Звездов (большевик), Попов, Половников, Богданов и Михельсон (меньшевики-интернационалисты). Кандидатами стали: большевик Лобков, меньшевики-интернационалисты Васенин и Нехаев, левый эсер Ищенко, эсеры правоцентристского отряда Дербер и Быстрицкий. Председателем Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии стал К. А. Попов. Задачами комитета объявлялись: «1) объединение выступлений революционной демократии, 2) борьба с контрреволюцией, 3) взятие власти в момент опасности для революции» [12].

В условиях революционного подъема масс комитет осуществил ряд радикальных революционных мероприятий. 30 августа был отстранен от командования округом сторонник Корнилова полковник М. Прединский (выслан за пределы округа). Вместе с Прединским были отстранены от занимаемых должностей его заместитель правый эсер Немчинов и некоторые офицеры и чиновники штаба округа. Упразднен буржуазный орган власти — Коалиционный комитет и отстранен от должности областной правительственный комиссар Н. И. Лепко [9, с. 59; 13, л. 22; 14, л. 4]. Антикорниловские органы возникли и в некоторых других городах Западной Сибири и Степного края.

В ходе борьбы с корниловщиной почти повсеместно в России сложился блок левых сил (синоним — единый революционный фронт [15]), который стал политическим авангардом трудящихся в развивающихся событиях. В Омске и прилегающем к нему регионе в левый блок вошли: Омская объединенная организация РСДРП, состоявшая из двух фракций: большевиков и левых меньшевиков-интернационалистов; левое крыло Омской организации ПСР; ряд беспартийных гражданских и военных активистов Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, а также солдатских комитетов разных уровней вплоть до ВОКома. Левый блок поддержали некоторые эсеры-центристы. К этому следует добавить, что 12 октября 1917 г. большевики и меньшевики-интернационалисты организационно размежевались и стали самостоятельными организациями: РСДРП(б) и РСДРП(и), продолжая и дальше играть в левом блоке важнейшую роль. Общими ближайшими целями левых и левоцентристских сил Омска, сплотившихся в левый блок, стали: сохранение демократических завоеваний революции и недопущение новой корниловщины. При этом большинство членов ЗСОКРД, судя по всему, были сторонниками замены

существующего Временного правительства правительством однородно-социалистическим.

Решительность и успехи левого блока в Омске и ряде местностей Западной Сибири не в последнюю очередь определялись тем, что некоторым местным Советам и солдатским комитетам (в том числе ВОКому) в результате сложной и упорной борьбы июля — августа 1917 г. удалось сохранить влияние на основные гарнизоны ОмВО и контроль над ними.

После подавления сторонников корниловщины революционные силы в ряде мест России, в том числе Сибири, попытались закрепить достигнутые успехи и пойти дальше, вступив в конфликт уже с Временным правительством. На территории Сибири наиболее активно эти события развивались в Омске и Омском военном округе: произошла так называемая «омская история», которая едва не всколыхнула всю страну.

Вскоре после подавления Корниловского мятежа, 4 сентября 1917 г. А. Ф. Керенский потребовал распустить чрезвычайные органы, созданные для борьбы с корниловщиной. Этому требованию в России подчинились отнюдь не все антикорниловские комитеты, в том числе и ЗСОКРД в Омске. Получив информацию о решительных действиях омичей, в ходе антикорниловской борьбы явно вышедших, с точки зрения правительства, за рамки «государственной необходимости», Керенский приказал ликвидировать «омскую историю» [9, с. 65; 16, л. 20]. Однако 5 сентября ЗСОКРД самораспуститься отказался. Через несколько дней Временное правительство стало открыто угрожать Омску, Томску и мятежному Военному округу карательной экспедицией [17, л. 64], подобной той, что в эти дни была снаряжена против Ташкента. 16 сентября на заседании Омского Совета его председатель и глава ЗСОКРД К. А. Попов внес на обсуждение вопрос «О безусловной необходимости создания в Омске Красной гвардии» [18, л. 20; 19, с. 13]. В эти дни в дополнение к уже существовавшим в Омске с весны 1917 г. отдельным отрядам рабочей Красной гвардии возникла дружина охраны революции, подчиняющаяся Совету [20, с. 43].

Во второй половине сентября 1917 г. левый меньшевик-интернационалист прапорщик П. Н. Половников был назначен исполняющим обязанности командующего Омским военным округом и, несмотря на недовольство Временного правительства, фактически командовал ОмВО до самого Октябрьского переворота (вместо избранного на конференции представителей ОмВО 12 — 13 сентября эсера левоцентристского толка из Томского гарнизона Е. И. Яницкого, так и не вступившего в должность). Половников продолжал командовать и позднее, до середины ноября [9, с. 64; 21, с. 259]. Таким образом, под руководством большевиков, меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров Омск и, частично, территория Военного округа, превратились в одно из звеньев «красного пояса» Российской республики, сложившегося к этому времени из подобных самочинных локальных «республик» разной величины (Кронштадтская, Шлиссельбургская, Царицынская, Харьковская, Луганская, Красноярская, Ташкентская [10, с. 62 — 66], Гуляйпольская, Черемховская и др.).

Гарнизоны Омска, Томска, Барнаула были настроены на вооруженный отпор карателям [22, с. 409 — 410]. 24 сентября Объединенный ИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Енисейской губернии и Бюро Советов Средней Сибири, заслушав сообщение об угрозе карательной экспедиции против Омска и Томска, опубликовали резо-

люцию, в которой выражали решимость «поддержать Советы городов Омска и Томска всеми средствами», находящимися в распоряжении этих органов [23, с. 70]. В то же время правозсеровское руководство Новониколаевского гарнизона было настроено неодобрительно к действиям руководства Омска и ОмВО; существовала опасность, что в случае движения на Омск карательной экспедиции Новониколаевск может ее поддержать. В созданных условиях в Объединенном комитете и ВОКоме стали обсуждать вопрос о возможном вооруженном столкновении с правительственными войсками, но и, одновременно, начали вести переговоры с правительством.

Часть эсеров-центристов (А. М. Краснусов, В. В. Паскевич и другие), входя в ЗСОКРД, не одобряли революционных мер, но и в открытую против них, как правило, не выступали. Правоцентристские и крайне правые эсеры, по понятным причинам не допущенные в комитет, вели себя иначе: они самоустранились от событий и притихли, но только на время. Если во время Корниловского мятежа и в первые дни после его подавления отнюдь не левая по составу Городская дума с подачи фракции эсеров формально поддержала отдельной резолюцией антикорниловские мероприятия [24], то к концу сентября эта же дума, в том числе почти вся ее эсеровская фракция, совместно с «кадетами», домовладельцами, народными социалистами и «Единством», стали центром сплочения контрреволюционных сил города. Гордума критиковала деятельность ЗСОКРД и предлагала безоговорочно подчиниться Временному правительству. В условиях жесткого противостояния ЗСОКРД, Омского ВОКоме и всех революционных сил Западно-Сибирского региона с Временным правительством, в Омске вновь активизировались сторонники Л. Г. Корнилова. В данной ситуации они (из числа скрытых монархистов и «кадетов») не прекращали работу по сплочению всех контрреволюционных сил города, в том числе и крайне правого крыла омских эсеров, но вели ее очень осторожно.

В конце сентября, когда ситуация в Омске и ОмВО зашла влево до опасного далеко и существенно возросла реальная угроза карательной экспедиции, на заседании Омской гордумы был поставлен вопрос об отозвании из Объединенного комитета революционной демократии представителей гордумы; кроме того, обсуждался вопрос и о дальнейшей судьбе самого Комитета революционной демократии. Против правых здесь выступили немногие, и среди них — эсер левого крыла омской организации ПСР А. П. Оленич-Гнененко, который в своей речи попытался доказать необходимость существования Комитета революционной демократии и закончил свое выступление словами: «Орган объединенной демократии будет существовать до того момента, пока мы не услышим голоса Всероссийского демократического совещания» [25].

На данном заседании большинство гласных гордумы высказалось вообще за упразднение Объединенного комитета революционной демократии. Лидер омских кадетов В. А. Жардецкий, выступая в своей обычной экспрессивной и злобной манере, так характеризовал ситуацию: «Омск находится в открытом мятеже против Временного правительства... Здесь происходит то же, что и в Ташкенте, только в Ташкенте — буйная форма помешательства, а у нас — тихая» [25].

Тем временем умеренное крыло омской демократии стало все больше проявлять колебания, нерешительность, а то и трусость. Любопытный штрих:

в разгар событий П. Я. Дербер под благовидным предлогом покинул Омск. В местной прессе сообщалось: «Председатель областной земельной управы П. Я. Дербер выехал 12 сентября в область. Цель поездки — ознакомление с деятельностью уездных земельных комитетов и инструктирование» [26]. Не менее двух раз в эти дни отказался председательствовать на объединенном заседании бюро Военного отдела Омского Совета и Гарнизонного комитета один из сопредседателей, депутат Спасский, на что особо указал присутствующим большевик Воеводин, потребовавший факты отказа зафиксировать в протоколе [17, л. 65; 27. л. 64].

В то же время левые элементы Омска и Омского гарнизона продолжали консолидироваться. Большевики, левые эсеры и меньшевики-интернационалисты проявили в эти дни редкое единодушие. Лидер левого крыла Омской организации ПСР Н. Е. Ишмаев во второй половине сентября находился в Петрограде на Демократическом совещании и как мог пытался разъяснить там сущность «омских событий», смягчить реакцию правительственных кругов на происходящее в Омске и ОмВО и не допустить карательной экспедиции [28]. Омских левых в их отдельных мероприятиях поддерживал утвержденный в Петрограде на должность Правительственного комиссара Акмолинской (Омской) области эсер-центрист А. Е. Новоселов [29, л. 1].

В конце сентября — начале октября обстановка в самом Омске серьезно осложнилась. С одной стороны, трудящиеся Омска, борясь за свои социальные права и будучи ободрены успехами революционных органов власти, перешли на наступление на предпринимателей. С другой стороны, и буржуазные и социал-соглашательские силы города и региона ответили на это дальнейшим сплочением и активизацией. ЗСОКРД, Омский Совет, ВОКом и другие революционные органы оказались в сложном политическом положении: они не могли не поддержать во многом справедливые требования трудящихся, но забастовки в городе представлялись для них в это время нежелательными. Поэтому было сделано все для того, чтобы решить вопросы путем переговоров между рабочими и капиталистами. Но избежать забастовок в Омске все же не удалось.

21 сентября Омский Совет вынес решение поддержать забастовку омских железнодорожников и ходатайствовать перед Временным правительством через ЦИК Советов об удовлетворении их справедливых требований. Но всеобщая забастовка железнодорожников России была признана Омским Советом в данный момент нецелесообразной. В этот же день металлисты Омска, забастовавшие на несколько дней раньше, решили продолжить свою забастовку после отказа крупных владельцев в удовлетворении их требований. Состоявшееся на фоне этих событий внеочередное заседание Совета профсоюзов 21 сентября обсудило вопрос об организации в Омске уже всеобщей городской забастовки. 23 сентября Омский Совет принял резолюцию, в которой согласился со всеобщей железнодорожной забастовкой и, в силу того что забастовка неизбежна, призвал приложить максимум усилий, чтобы придать ей организованный характер. 27 сентября грянула забастовка рабочих — строителей здания Управления Омской железной дороги, а 4 октября состоялось экстренное совещание торгово-промышленных служащих по вопросу о выработке требований к предпринимателям [20, с. 42, 43, 74].

Ситуация в городе осложнялась угрозой продовольственных беспорядков. Если забастовочное движение проходило организовано и, в целом, под контролем революционных органов власти, то продбеспорядки, прокатившиеся в сентябре – октябре 1917 г. по 36 губерниям с запада на восток, грозили воцарением анархии и могли быть направлены как против буржуазных, так и революционно-демократических органов власти. В начале октября продбеспорядки достигли Акмолинской (Омской) области и Омска. Они продолжались в Омске со 2 по 5 октября и едва не вылились в массовый погром. Аналогичные события произошли в Петропавловске, и там погрома избежать не удалось [30].

На фоне этого контрреволюционные силы Омского региона, и прежде всего «кадеты», совместно с казачьей верхушкой, попытались поднять против революционных сил города казаков прииртышских станиц. 10 – 21 сентября состоялся II съезд Сибирского казачьего войска. Под давлением кулацко-офицерских слоев было принято решение об отзыве представителей казачества из Советов рабочих и солдатских депутатов. Однако и после этого при Омском Совете активно продолжала работу казачья секция [20, с. 42]. Войсковое правительство во главе с генералом Копейкиным и полковником Березовским попыталось объявить мобилизацию казаков близлежащих к Омску станиц с тем, чтобы использовать их против Советов и ЗСОКРД.

В создавшихся условиях революционные силы города вынуждены были пойти на крайнюю меру — ввести военное положение. Нужно признать, что юридически этот шаг был детально проработан и подготовлен, чему способствовало нахождение в ЗСОКРД ряда юристов и, в особенности, председателя этого органа К. А. Попова. С утра 5 октября Омск был объявлен на военном положении на основании постановления Акмолинского (Омского) Областного исполнительного комитета, в согласии с Западно-Сибирским Объединенным Комитетом революционной демократии и Исполнительным комитетом Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. Приведение в действие этого постановления было возложено на «Особый Военный Совет», действующий совместно с гражданскими и военными властями (в состав этого органа вошли наиболее решительные и активные революционные деятели города, в том числе большевик А. А. Звездов). «Всякое неподчинение и неисполнение настоящего постановления будет пресекаться самыми решительными мерами вплоть до применения в необходимых случаях силы оружия. Виновные будут привлекаться к уголовной ответственности по всей строгости закона». Постановление было подписано Акмолинским (Омским) Областным исполнительным комитетом, Областным комиссаром Временного правительства эсером-центристом А. Е. Новоселовым, временно исполняющим обязанности командующего войсками Омского военного округа прапорщиком меньшевиком-интернационалистом П. Н. Половниковым, Омским Военно-Окружным комитетом [20, с. 74 – 76; 31].

Стараниями революционных сил (в том числе и в самой казачьей среде) контрреволюционное выступление казачьих верхов было сорвано. 5 октября по постановлению Совета казачьих депутатов Сибирского казачьего войска несколько офицеров арестованы. Мобилизованные рядовые казаки охотно разошлись по станицам [20, с. 43]. Вскоре Особый Военный Совет сделал со своей стороны попытку прекратить стачку. Для этого им было создано 7 ок-

тября в Доме Республики совещание из представителей предпринимателей и стачечного комитета, но соглашения на этом совещании в очередной раз достигнуто не было [32]. В эти же дни были ликвидированы последствия продовольственных беспорядков, и в городе наступило относительное спокойствие.

Однако, несмотря на успехи революционных сил, ситуация в Омске и вокруг него продолжала оставаться сложной. Не нужно забывать, что наряду с Советами, солдатскими комитетами и ЗСОКРД в Омске и регионе оставались органы буржуазной власти, хотя и оттесненные, отодвинутые в сторону, но вполне реальные (гордума, штаб ОмВО, управляющий губернией (новый), создаваемые как раз в это время земства, Управа и штаб Сибирского казачьего войска). Сбрасывать их потенциал было пока что рано, тем более что за ними стояла поддержка центрального Временного правительства и ряда сибирских буржуазных центров власти, у которых было свое видение перспектив развития политического процесса. 1 октября Омская гордума приняла решение послать в Томск на буржуазный и соглашательский по составу Первый Сибирский областной съезд два своих делегата [33]. Через несколько дней в очередной раз правые и правоцентристские элементы гордумы выступили с протестом против существования Особого Военного Совета, назвав этот орган власти диктаторским и незаконным. Больше всех возмущался и протестовал лидер омских «кадетов» В. А. Жардецкий [32].

Сложность и шаткость ситуации, наглядный пример карательной экспедиции против аналогичной «Ташкентской республики» (с разгромом там революционных сил в конце сентября), ответственность за жизни людей — все это привело к тому, что руководство ЗСОКРД стало склоняться к компромиссу, проявляя понятную нерешительность в дальнейших шагах и чрезвычайную взвешенность, готовность на определенные уступки Временному правительству. В 20-х числах сентября в Омск прибыл полномочный представитель Временного правительства Сверчков, целью которого было «непосредственное ознакомление с событиями последнего времени, имевшими место в Омске» [34]. 11 октября в Омск для переговоров с революционным руководством округа прибыла комиссия ЦИКа и Временного правительства [9, с. 71]. Таким образом, открытого вооруженного столкновения удалось избежать: руководители Объединенного комитета и ВОКома пошли на некоторые уступки Временному правительству во избежание напрасных жертв и не будучи уверены в победе; Временное правительство пока отказалось от применения прямой силы в отношении мятежного округа и его «столицы». Грандиозные события 24 – 26 октября 1917 г. в Петрограде поставили в «омской истории» точку: и в стране, и в Западной Сибири, и в ее военно-политическом центре — Омске теперь создавалась уже иная военно-политическая ситуация.

Таким образом, в конце августа – начале сентября 1917 г. в Омске и ряде городов и местностей Омского военного округа, в условиях борьбы с корниловщиной и дальнейшего противостояния Временному правительству, сложилось и в течение сентября – октября существовало своеобразное региональное двоевластие: революционно-демократические и буржуазные органы власти со значительным преобладанием первых над вторыми.

Однако, обладая в этот период всеми необходимыми силами для устранения буржуазных органов

власти в Омске и части региона, местные Советы, солдатские комитеты и ЗСО КРД, руководимые блоком левых политических сил (большевиков, меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров, беспартийных левых) на это не пошли, так как в условиях существования центральной буржуазной власти в лице Временного правительства они, проявляя понятную осторожность, не сочли это пока необходимым и не стали рисковать. В советской историографии подобные позиции критиковались как мелкобуржуазные, непоследовательные и соглашательские. Но так ли это даже с революционной точки зрения? Не слишком ли много требовали от таких революционных очагов «задним числом» некоторые профессиональные историки? Не следует ли признать, что существование подобных революционных анклавов в Российской Республике, во-первых, явилось закономерным отражением складывавшейся в стране общей кризисной ситуации и, во-вторых, уже само по себе имело важнейшее значение в приближении Октябрьского переворота в столичном Петрограде, одновременно создавая почву для последующего оперативного установления полновесной Советской власти на местах? Уже всего этого в тех непростых политических условиях сибирской провинции было отнюдь не мало.

Примечания

¹ Все даты в статье даны по старому стилю, действовавшему в России до 31 января 1918 г.

Библиографический список

1. Виноградов В. Десять лет назад. Рабочий путь (Омск). 1927. 20 сентября.
2. Фабричный А. В. Борьба за Советы. Омск: Облгосиздат, 1942. 91 с.
3. Клеткин И. Д. Борьба за установление Советской власти в Омске и области. Омск: Б. и., 1957. 43 с.
4. Хайруллин Н. Б. Большевики Омска в период Октябрьской революции. Омск: Кн. изд-во, 1957. 116 с.
5. Чижов И. Г., Кондриков Б. В. Победа социалистической революции в Омской области. Омск: Б. и., 1958. 85 с.
6. Самосудов В. М. Установление Советской власти в Омске и области // История СССР (Москва). 1967. № 5. С. 103–118.
7. Очерки истории Омской областной организации КПСС. Омск: Кн. изд-во, 1987. 400 с.
8. Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск: Наука (Сиб. отд-е), 1978. 255 с.
9. Познанский В. С. Сибирский красный генерал. Новосибирск: Наука (Сиб. отд-е), 1972. 270 с.

10. Смирнов А. С. Большевики и революционное творчество на местах (июль — октябрь 1917 г.) // Вопросы истории КПСС (Москва). 1979. № 6. С. 59–69.
11. Шепелева В. Б. Омское Прииртышье — год 1917-й. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. 112 с.
12. Омский вестник. 1917. 6 сентября.
13. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 662. Оп. 1. Д. 10.
14. ГИАОО. Ф. 662. Оп. 1. Д. 12.
15. Рабочий путь [Правда] (Пг.). 1917. 19 сентября.
16. ГИАОО. Ф. 662. Оп. 1. Д. 16.
17. ГИАОО. Ф. 662. Оп. 1. Д. 46.
18. ГИАОО. Ф. 662. Оп. 1. Д. 16.
19. Незабываемые дни. Хроника событий // Политинформатор и агитатор (Омск). 1987. № 19. С. 12–14.
20. Летопись газетных статей: Хроника событий 1917 года в г. Омске. Омск: Б. и., 1977. 123 с.
21. Революционное движение в военных округах. Март 1917 — март 1918. Сб. документов. М.: Наука, 1988. 486 с.
22. Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск: Б. и., 1963. 647 с.
23. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 — май 1918 г.): сб. документ. материалов. Омск: Кн. изд-во, 1958. 278 с.
24. Омский вестник. 1917. 8 сентября.
25. Омский вестник. 1917. 29 сентября.
26. Омский телеграф. 1917. 16 сентября.
27. ГИАОО. Ф. 662. Оп. 1. Д. 85.
28. Штырбул А. А. Никита Ефимович Ишмаев (историко-биографическое исследование). Омск: Изд-во ИП Макшеева Е. А., 2009. 60 с.
29. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. Д-14. Оп. 1. Д. 29.
30. Шуддяков В. А. Революция, свершенная натошак. Омская правда. 1991. 6 ноября.
31. Слово трудового крестьянства (Омск). 1917. 7 октября.
32. Омский вестник. 1917. 13 октября.
33. Омский вестник. 1917. 1 октября.
34. Сибирская речь (Омск). 1917. 26 сентября.

ШТЫРБУЛ Анатолий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «Всеобщая история, социология и политология» Омского государственного педагогического университета; эксперт Российской академии наук. Адрес для переписки: morgun_58@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2017 г.

© А. А. Штырбул

Сибирский государственный
автомобильно-дорожный
университет, г. Омск

БЕГЛЫЙ КОМИССАР В. ЯКОВЛЕВ (МЯЧИН) И ЕГО «ИСПОВЕДЬ» В ОМСКОЙ ГАЗЕТЕ «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК» (НОЯБРЬ 1918 ГОДА)

Исследуется судьба комиссара Василия Яковлева (настоящее имя — Константин Мячин), сдавшегося в плен белой армии в ноябре 1918 года. В научный оборот вводится исповедь беглого комиссара, опубликованная в омской газете «Правительственный вестник», в которой перебежчик объясняет своё разочарование в политике большевиков. Прослеживая дальнейшую судьбу беглого комиссара (бегство в Китай, участие там в революционном движении, возвращение в СССР, пребывание в лагере и расстрел), автор статьи приходит к выводу, что Яковлев — типичный пример революционера-авантюриста, порвавшего с традиционными ценностями ради революционной утопии.

Ключевые слова: Белое движение, Белый Омск, Василий Яковлев, революция, Гражданская война, 1918.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-81-01006 «"Белая столица России": повседневная жизнь Омска (июнь 1918—ноябрь 1919 гг.)».

История революции и Гражданской войны в Сибири продолжает привлекать внимание многих историков-исследователей [1]. В этой проблематике существует еще немало белых пятен, многие из которых связаны с судьбами участников этой трагедии.

20 ноября 1918 года омская газета «Правительственный вестник» публикует небольшую заметку «Исповедь большевика» [2]. Газета сообщает, что на сторону антибольшевистских сил перешел «бывший главнокомандующий Урало-Оренбургского фронта Яковлев». Тогда еще белые не знали, что это был тот самый комиссар, что сопровождал царскую семью из Тобольска в Екатеринбург. Судьба этого человека и его опубликованная «исповедь», в которой он излагает причины, заставившие его порвать с большевизмом, представляют для исследователя определенный интерес.

История жизни комиссара Василия Яковлева довольно подробно была восстановлена А. Н. Авдониным, специалистом по екатеринбургской трагедии 1918 г., первооткрывателем места сокрытия останков царской семьи [3]. Это исследование раскрывает многие подробности жизни Яковлева, хотя и не лишено некоторых ошибок [4]. Писали об этом и другие, в частности, историк Г. Иоффе [5]. Комиссар Яковлев за свою жизнь поменял имя несколько раз. Первое и подлинное имя этого человека — Константин Алексеевич Мячин. Родился он в 1886 году. Начальный период его жизни связан с Уралом, Уфой. Здесь Мячин, будучи большевиком с 1905 года, стал одним из организаторов «эксков»: руководил боевиками-экспроприаторами, нападавшими на перевозчиков денег. Они совершали вооруженный захват крупных денежных сумм, которые передавали на

нужды большевистской партии. Когда на его след вышла охранка, Мячин бежал за границу, раздобыв паспорт на имя Василия Васильевича Яковлева. С этим новым именем он жил довольно долго. Следует сказать и о том, что некоторые уральские большевики подозревали Яковлева в сотрудничестве с охранкой и относились к нему с недоверием. Позднее это сыграло определенную роль в его судьбе.

За рубежом Яковлев прожил до 1917 года, где, вероятно, ближе познакомился и с лидерами большевиков. В 1910 г. учился в Болонской школе («Школа социальных наук»), входил в совет школы вместе с А. Луначарским. После Февральской революции, как и многие революционеры, вернулся в Россию. Некоторое время новоявленный комиссар находится на Урале, в Уфе: отправляет в Петроград поезда с хлебом. После кратковременного пребывания в Петрограде он возвращается в родные места, избирается председателем Симского Совета депутатов (Сим — рабочий городок на Южном Урале), а осенью 1917 года вновь отправляется в Петроград на II съезд Советов. Там он попадает в атмосферу активной деятельности по подготовке и осуществлению Октябрьского переворота.

Вскоре Яковлев (к старому своему имени он так и не вернулся) получил высокие назначения — стал комиссаром телеграфных и телефонных станций и одним из первых членов ВЧК. В декабре 1917—январе 1918 годов даже занимал должность заместителя председателя ВЧК. В связи со знакомством с Я. Свердловым еще с 1906 г. последний поручает ему ответственную задачу — доставку оружия с Сестрорецкого завода, которую Яковлев очень быстро выполняет, — оружие было перевезено в Петроград. Весной 1918 г. В. Яковлев доставил из

Уфы железнодорожный состав из сорока вагонов с хлебом в Петроград, а взамен получил оружие и деньги для борьбы с атаманом Дутовым [3, с. 7–44].

Весной 1918 года Свердлов поручает Яковлеву еще одно задание — вывести царскую семью из Тобольска. Руководство большевиков в то время боялось как заговора монархистов с целью освобождения Романовых, так и внезапной расправы над ними со стороны уральских радикалов-большевиков. Приехав в Тобольск с вооруженным отрядом и с мандатом, подписанным Лениным и Свердловым, Яковлев перевозит часть семьи бывшего императора в Тюмень (бывший наследник престола Алексей в это время тяжело болел, и везти его какое-то время было нельзя). Оттуда комиссар планирует везти семью Романовых в Омск, поскольку опасается направиться в Екатеринбург.

Руководители Уралооблсовета немедленно обвиняют Яковлева в измене и перекрывают ему движение по всей железной дороге. Москва после переговоров с уральцами соглашается привезти Романовых в Екатеринбург. В мае 1918 года в Екатеринбург привезли и оставшихся в Тобольске членов семьи Николая II. А в ночь с 16 на 17 июля Романовы и их приближенные были расстреляны специальной командой, возглавляемой, комендантом Дома особого назначения (дом Ипатьева) Я. Юровским.

После возвращения в столицу Яковлев был назначен командовать Урало-Оренбургским фронтом (против войск атамана А. Дутова). Но большевики-уральцы выступили против этого назначения, и Яковлев в командование так и не вступил.

После восстания чехословаков и расширения антибольшевистского движения происходит резкий поворот в судьбе Яковлева. Г. Иоффе пишет, что осенью 1918 года Яковлев неожиданно явился в Комуч и заявил, что поддерживает его, разочаровавшись в Советской власти. Более того, он написал обращение к красноармейцам с призывом переходить на сторону Комуча [5].

Но, судя по газетной публикации из «Правительственного вестника», дело происходило несколько иначе. И теперь самое время остановиться на ней подробнее. «Исповедь большевика» — это сравнительно небольшая заметка, в которой информация и пересказ перемежаются с прямым цитированием обращения, якобы написанного беглым комиссаром Яковлевым Омскому правительству. В этот период времени Комуч уже прекратил свое существование, а после Директории власть перешла к правительству адмирала А. В. Колчака. Конечно, текст, представленный в газете от имени комиссара Яковлева, должен восприниматься с известной долей недоверия. Публикация такого рода документа в официальной правительственной газете не могла быть проведена без участия пропагандистского аппарата колчаковской армии. Вопрос о степени такого участия в написании и публикации «Исповеди» вряд ли может быть разрешен однозначно. Нельзя исключить, что в какой-то момент и сам Яковлев разочаровался в большевизме и его перспективах, поскольку белые в тот момент вели успешное наступление, а популярность большевиков на востоке страны была сравнительно невелика. Вероятно, он мог и написать подобное обращение к правительству, но вполне возможно также, что появление такого обращения было условием сохранения ему жизни и свободы. Подозреваю, что Яковлев после вступления белых в Уфу всерьез опасался своих бывших товарищей по большевистской партии, которые могли в очередной уже раз

обвинить его в предательстве. В условиях же общей неразберихи и войны он мог быть и расстрелян (об угрозе расстрела он пишет в обращении). Пример убийства семьи Романовых для беглого комиссара был в высшей степени показательным. Хотя, конечно, Яковлев не был заинтересован, чтобы белые узнали о его роли в этой истории, поэтому о царской семье в обращении нет ни слова.

Но перейдем непосредственно к заметке. Первое, что дает нам она, — уточнение, как Яковлев оказался у белых. После оставления большевиками Уфы бывший комиссар, по его словам, смог выбраться из города и скрыться в какой-то деревне. Далее он сообщает: *«Я бродил из конца в конец, один из таких прозревших большевиков, от деревни до деревни, и ничего нигде не слышал, кроме радости, что освободились от большевиков. Точно от нашествия татарского ига вздыхает теперь свободная Россия.»*

Второе, что интересно, в обращении — изложены мотивы перехода к белым. В газетной заметке Яковлев предстает как человек, полностью разуверившийся в теории и практике большевизма. *«Пусть я отдамся в руки новых властей, пусть я погибну, как пленник, но идти против народа я не могу. Я не хочу быть преступником, не могу больше оставаться в рядах большевиков. Слишком много пришлось переживать за это короткое время, экспериментов! Я измучен постоянными угрозами, арестами, расстрелами со стороны советской власти всякому, кто не желает больше оставаться в их рядах. Я не могу больше допускать унижения человеческой личности, когда без твоего ведома, без твоего спроса или желания распоряжаются тобой, как пешкой, а потом бросают в тюрьму или приставляют к стене для расстрела. Нет, я не могу смотреть, как развивается среди товарищей кровожадность. Мне больно. Такая масса хороших молодых сил гибнет как с той, так и с другой стороны! И это в то время, когда бедная истерзанная Россия так нуждается в этих молодых силах, чтобы не быть окончательно поработанной внешними врагами»* [2].

С одной стороны, вызывает определенные сомнения тот уровень душевной ранимости и даже сентиментальности, который продемонстрирован в этом обращении. Ведь написал его не кто иной, как давний большевик, боевик, участвовавший во многих вооруженных нападениях ради добычи денег для партии. С другой стороны, нельзя исключить, что Яковлев не подозревал, что борьба «за народное счастье» приведет к таким страданиям сам народ (и прежде всего из-за бесчинств большевиков). Очевидно, что немалую роль в изменении взглядов комиссара могло сыграть то обстоятельство, что, скитаясь по деревням, он оказался один на один с народной бедой и впервые смог ее глубоко осознать. Весьма сомнительно, что в своих хождениях (*«от деревни до деревни»*) он представлялся крестьянам комиссаром-большевиком. Скорее всего, просто выдавал себя за беженца. Вот тогда-то и послушал напрямую, что крестьяне думают о партии, к которой он принадлежал, и ее политике.

Это предположение в некоторой степени подтверждается дальнейшим текстом «исповеди» беглого комиссара. *«Как могильная плита, давили рассказы крестьян о бесчинствах красной армии. Я чувствовал всю горечь, всю истину этих рассказов, и краска стыда заливала мое лицо.*

Нет, я не могу больше выносить этих пыток, — я — народник, не могу идти против народа.

Я прихожу к вам после долгих мучительных, бессонных ночей, после страшных, пережитых мучений, после долгой внутренней борьбы, которая поселилась во мне с момента выступления против нас, социалистов, чехословаков.

Долг и совесть терзали меня — я не выдержал и хочу прийти теперь сюда, к вам, к новой власти, со спокойной совестью, так как не чувствую за собой никакого преступления, кроме моей бывшей принадлежности к партии большевиков, если это только вменяется мне в преступление, и отдалась в ваши руки. Я сдаюсь и буду в вашей власти. Судите меня, делайте со мной что хотите, но я настрадался, измучился — я хочу жить таким же свободным гражданином, как и вы все, если имею на то право или пусть я погибну, как пленник. Иного выхода для меня нет» [2].

Эмоциональный накал этого послания очевиден, но Яковлев, конечно, далеко не честен в это своей «исповеди». Он ни слова не пишет о прежней своей деятельности в качестве боевика (об этом его совесть, видимо, не вспоминает). Не касается в своем обращении он и своей весьма сомнительной роли в гибели царской семьи. В тот момент времени белые еще не знали об этом точно. Следователь Н. Соколов, назначенный Колчаком для расследования убийства царской семьи, включил фамилию Яковлева в число подозреваемых, но допросить его не успел. Яковлева каким-то загадочным образом отпустили, и он бежал в Харбин.

Сам Соколов пишет об этом следующее. «Яковлев был у большевиков их политическим комиссаром на уфимском фронте. Осенью — зимой 1918 года он обратился к чешскому генералу Шениху и просил принять его в ряды белых войск. Он указывал, что это он именно увозил Государя из Тобольска.

Ему ответили согласием, и он перешел к нам. В дальнейшем с ним поступили неразумно и неосторожно. Он тут же был арестован и отправлен в Омск в распоряжение военных властей. Не дали надежного караула, и он вместо генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего, по ошибке якобы конвоира, попал к некоему полковнику Зайчеку.

Здесь он и пропал. У Зайчека не оказалось абсолютно никаких документов на Яковлева» [6].

Соколов, кстати, предполагал, что за Яковлевым могли стоять какие-то другие силы, например, немцы, пытавшиеся получить бывшего императора и его наследника.

В Харбине, куда Яковлев-Мячин приехал в 1919 г. после того как его отпустили белые, он работал электромонтером на мельнице, затем в железнодорожных мастерских КВЖД. Здесь он вновь берет свою старую фамилию — Мячин. Без сомнения, для того, чтобы замести следы своей прежней комиссарской деятельности. Но быть простым монтером он не мог и включился вновь в революционную деятельность. За организацию забастовок преследовался властями Китая. Все это доказывает то, что «Исповедь» Яковлева, опубликованная в «Правительственном вестнике», была лживой. Сама его жизнь показала, что никакого разочарования ни в идеях большевизма, ни в революционной деятельности у него не было. Затем из Харбина он переехал на юг Китая.

В Китае Яковлев вновь проделывает номер со сменой имени. Вместо Яковлева появился некий К. А. Стоянович (также пользовался псевдонимом Минор). В 1920-х годах он руководит информационным бюро советского советника при Сунь Ятсене М. Бородина, пишет статьи в советские газеты и журналы [5].

Далее Яковлев решает вернуться в СССР. В марте 1928 года он отправил покаянные письма И. Сталину и председателю ОГПУ В. Менжинскому. Вернуться в Советский Союз ему разрешили. Но после приезда началось следствие. Яковлева приговорили к расстрелу, но затем этот приговор заменили десятилетним сроком заключения: сначала на Соловках, потом на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Освобожденный досрочно, он работал в системе органов НКВД, позже — на заводе в Ворсме Горьковской области. В 1938 году — новый арест. На этот раз расстрел уже ничем не был заменен.

Заключение. История Мячина-Яковлева-Стояновича — это история человека, которого увлекла революционная буря. Человек шел на преступления («эксы»), рисковал своей свободой и жизнью ради революционных идей, но прошел через многие разочарования. В «Исповеди большевика», опубликованной «Правительственным вестником», как мне кажется, содержатся интересные сведения о противоречивости взглядов этого человека. Вместе с тем последующая жизнь Яковлева показывает, что доверять этому документу не стоит. В какой-то степени судьба Яковлева — это судьба многих революционеров-маргиналов той поры, презревших традиционные ценности, порвавших полностью с исторической Россией и желающих мировой революции [7]. Нацеленность на революцию не позволила Яковлеву пересмотреть свои взгляды ни в Европе, ни в Китае. Его не прельщала жизнь эмигранта-обывателя. Он предпочел вернуться в СССР, вероятно, до конца не понимая, что его там ждет. Но Сталину такие «пламенные революционеры» уже не были нужны, поэтому столь печален оказался и финал жизни этого беглого комиссара.

Библиографический список

1. Сизов, С. Г. Историография повседневности «Белой столицы России»: Омск (Июнь 1918 — ноябрь 1919 гг.) // Архитектура, строительство, транспорт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»), 2–3 дек. 2015 г. / СибАДИ. Омск, 2015. С. 1674–1682. ISBN 978-5-93204-860-3. URL: <http://bek.sibadi.org/fulltext/ESD75.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).
2. Исповедь большевика // Правительственный вестник (Омск). 1918. № 2. 20 ноября. С. 3.
3. Авдонин А. Н. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В. В. Яковлеве. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 240 с. ISBN 5-85865-08-9.
4. Дубленных В. В. О книге А. Н. Авдонина «В жерновах революции». URL: https://www.academia.edu/8731410/В_жерновах_революции?auto=download (дата обращения: 16.01.2017).
5. Иоффе Г. Кто он — чрезвычайный комиссар Яковлев? // Наука и жизнь. 2013. № 7. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/22731/> (дата обращения: 17.01.2017).
6. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. URL: <http://russky.com/history/library/sokolov.htm#21-30> (дата обращения: 17.01.2017).
7. Сизов С. Г. Революционные идеи семинаристов и детей священников. Конец XIX — начало XX вв. // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 139–144.

СИЗОВ Сергей Григорьевич, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры «Общая экономика и право».

Адрес для переписки: sizov-omsk@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017 г.

© С. Г. Сизов

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОССОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВА (СИБИРЬ, СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, УКРАИНА)

В статье рассмотрен опыт развития национально-государственных отношений на территории Российской империи первой четверти XX в. и решение вопроса о сохранении территориальной целостности многонационального и поликонфессионального государства, не потерявший значимости для современной России.

Ключевые слова: национальности, государство, территории, Сибирь, Северный Кавказ, Украина.

В начале XXI в. многие историки, политологи и социологи, анализируя национально-государственную политику руководства нашей страны, приходят к мысли, что на всех этапах её развития имело место не курс на русификацию, а реализация мер по сохранению территориальной целостности страны. Проблема рассмотрена на материалах Сибири, Северного Кавказа и Украины.

Одной из причин бескризисного развития Российской империи явилась реализация оформленной Сводом законов 1832 г. политики веротерпимости с доминированием общеимперских династических и сословных принципов над этнорелигиозными и языковыми и включением представителей национальной элиты в правящую элиту. При этом Российская империя по этническому составу на протяжении всей своей истории была государством европейским.

В конце XIX в. русское население империи составило 72,5%. Кроме русских гражданами России были: финны — 6,6%, поляки — 6,3%, литовцы — 3,9%, евреи — 3,4%, татары — 1,9%, башкиры — 1,5%, немцы — 1,3%, шведы — 0,4%, киргизы 0,2%, калмыки — 0,1%, греки — 0,06%, болгары — 0,05%, армяне — 0,05%, прочие — 1,74% [1].

Династия не противодействовала сохранению и развитию национальных особенностей проживающих на территории страны народов (табл. 1).

Из приведенных в табл. 1 данных следует, что Россия конца XIX — начала XX в. не была ни колониальной империей, ни «тюрьмой народов».

Социально-экономическое развитие различных территорий вызвало рост капиталистических отношений. Как следствие, введение нерусских элит в правящий класс уже не способствовало сохранению целостности государства:

— о своих экономических и политических претензиях заявила национальная буржуазия Польши, Финляндии, Украины, Закавказья. В отличие от России она видела решение стоящих перед страной

и её национальными частями проблем в федерализации или в отделении от империи;

— реальнее стала национальная интеллигенция, являющаяся проводником национальных идей среди населения. Наблюдается рост национальных газет и журналов, а количество национальных общественных движений превышает количество русских;

— большое влияние на состояние национальных отношений начала оказывать геополитическая ситуация. Проблема дала о себе знать в годы Первой мировой войны, к участию в которой были привлечены финны, белорусы, поляки, малороссы, народы Кавказа. Полиция и жандармерия обнаружили факты прогерманской и протурецкой пропаганды;

— негативно народами Сибири, Алтая, Казахстана была воспринята передача земель в пользование переселенцам из Европейской России. Недовольство коренного населения поддержало часть феодальной верхушки.

Так, требования народов России, создавших национальную печать и общественно-политические организации стали частью революционного движения. То есть явились одной из причин революции [2, с. 164–165].

Обратимся к национальным отношениям и национально-государственному строительству обозначенного исторического периода, поочередно обращаясь к истории Сибири, Северного Кавказа, Украины.

После свержения династии Романовых Бурятское национальное движение вело борьбу за автономию. В апреле 1917 г. состоялся I Общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии. Съезд принял «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии». Документ, являвшийся проектом автономии с широкими правами в области внутреннего законодательства, административного управления, судопроизводства, охраны порядка, здравоохранения, образования, духовной культуры.

**Конфессиональный состав учащихся
мужских и женских гимназий в конце XIX в.**

Доля конфессии в населении России	Конфессия учащихся	Мужчины	Женщины
70 %	Православные	63,2 %	76 %
8,9 %	Католики	11,2 %	5,8 %
2 %	Лютеране	14,8 %	7,1 %
3,2 %	Иудеи	5,2 %	8,3 %
8,7 %	Магометане	1,2 %	-
7,2 %	Прочие	4,4 %	2,8 %

Составлено авторами по материалам: Сапунов Б. В. Национальный вопрос в Российской империи. URL: http://sir35.narod.ru/Sapunov/Nq_703.htm (дата обращения: 08.02.2016).

Делегатами съезда был создан Бурятский национальный комитет (Бурнацком). В конце 1917 – начале 1918 г. формирование национальной автономии у бурят сопровождалось политической борьбой Бурнацкома с органами революционной власти — Советами. В марте-апреле 1918 г. состоялся III съезд представителей рабочих, крестьян, казаков и инородцев Забайкальской области. Съезд признал национальные права бурятского народа, сохранив национальное самоуправление. Летом и осенью 1918 г. бурятские националисты поддержали атамана Г. М. Семенова, а затем и А. В. Колчака. В ноябре 1918 г., в результате слияния Бурнацкома с бурятским отделом Правительства Забайкальской области, была создана Бурятская национальная дума. К началу 1919 г. бурятские националисты достигли своих целей — официального признания лидерами белого движения органов самоуправления. Следующий этап национального движения (1919 – 1922 гг.) связан с попытками бурятских националистов добиться права на самоопределение. В качестве идеологического обоснования был выдвинут панмонголизм с идеей создания «Велико-Монгольского государства». В марте 1920 г. в Дальневосточной республике (ДВР) группа автономистов образовала Временный общепурятский национальный комитет, лояльный к Конституции ДВР. По Конституции ДВР районы, занятые бурятами (Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский аймаки), получали статус Бурят-Монгольскую АО (БМАО) с правами в области судопроизводства, административно-хозяйственной и культурно-национальной деятельности [3, 4].

До революции горская интеллигенция решение национальных проблем видела только в составе России. Автономное «самоуправление» теоретически допускалось лишь в «исключительных обстоятельствах». Падение царского режима явилось таким «исключительным обстоятельством». 5 марта 1917 г. был создан Союз объединенных горцев и созван Съезд народов Северного Кавказа. Члены «Союза» участвовали в создании органов Временного правительства на местах. Признание автономии связывалось с созывом Учредительного собрания. Но исламские деятели Чечни и Дагестана решили восстановить на Северном Кавказе шариатское государство.

Национальный вопрос теперь дал о себе знать как проблема взаимоотношения горских народов с казаками. Это во многом предопределило характер

национально-государственного строительства на Северном Кавказе в последующее время. Именно для решения национального вопроса, ставшего причиной вооруженного конфликта, был созван I Съезд народов Терека. Со съезда началась большевизация края и создание органов Советской власти. II Съезд народов Терека (февраль – март 1918) принял Советскую власть и Закон о социализации земли. Съезд избрал Терский Народный Совет (с представительством от народов, населяющих республику) и Совет Народных Комиссаров. Как следствие, возникает противостояние между СНК Терской республики и Терско-Дагестанским правительством. Терский СНК своим декретом объявляет «все декреты и распоряжения, издаваемые т.н. Терско-Дагестанским правительством», недействительными. Последнее предпринимает шаги для укрепления своих позиций. В апреле 1918 г. терско-дагестанское руководство обращается к странам Европы с просьбой о признании государственной независимости. А 11 мая 1918 г. была принята «Декларация об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана» (Горской республики) и её признании Оттоманской Турцией и Германией. 13 мая 1918 г. правительство Горской республики направило правительству РСФСР ноту об отделении ее от России. В протесте от 15 мая СНК РСФСР отказало в признании Горской республики, мотивируя отказ тем, что народы, проживающие на этой территории, на своих национальных съездах высказались за неразрывную связь с РСФСР. Большевики усилили пропаганду и агитацию среди горских народов. В мае 1918 г. III съезд Советов по докладу Чрезвычайного комиссара Юга России Г. К. Орджоникидзе заявил об образовании в качестве составной части РСФСР Кубано-Черноморской Советской Республики. В это же время был поставлен вопрос о создании на Северном Кавказе единой Советской республики. В июле 1918 г. на I Северо-Кавказском краевом съезде Советов было принято решение о слиянии Кубано-Черноморской и Ставропольской советских республик в Северо-Кавказскую. Терская Советская республика оставалась независимой [5].

К этому времени страна оказалась втянутой в Гражданскую войну. На ситуацию на Северном Кавказе влияли события на Волге, Дону и Кубани, интервенция Антанты в Закавказье. Оккупация Северного Кавказа Добровольческой армией в фев-

рале 1919 г. положила конец Терской и Горской республикам. Фактом стало и то, что идея независимой государственности была обречена на неудачу в связи с отсутствием какой-либо социальной базы для реализации этой независимости.

Имевшая место на территории бывшей Российской империи ситуация возникла в связи с принятием СНК «Декларации прав народов России» (ноябрь 1917 г.), провозгласившей:

— суверенность и равенство народов России, свободное развитие национальных меньшинств;

— право народов на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

На основе «Декларации» в декабре 1917 г. получило независимость княжество Финляндское. Польша, Финляндия, Прибалтика, с подачи стран Антанты, стали играть роль «санитарного кордона», отделяя их от Советской страны. В ноябре 1917 г. национальную автономию получают все без исключения народности Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Сибири. При этом в «Декларации» не были должным образом выписаны контуры (унитарное или федеративное) будущего государства. «Федерация» представлялась всего лишь этапом на пути к ликвидации национальных различий и мировой революции. Конституция РСФСР 1918 г. узаконила национально-территориальную федерацию. С лета 1918 г. в РСФСР идет создание национальных автономий (республик и областей). Народы, населяющие территории распадающегося Российского государства, в годы Гражданской войны использовали «Декларацию прав народов России». Имело место создание более 80 национально-государственных образований (иногда это только правительства) [6, с. 7].

Для истории сохранения территориального единства государства интерес представляет опыт СНК РСФСР и Коммунистической партии. По мере упрочения власти советские руководители придерживались четкой линии в национально-государственном строительстве, реализовывая две взаимодополняющие схемы государственного строительства:

— в 1918–1922 гг. народы, компактно проживающие рядом с великорусскими регионами, получили автономию в составе РСФСР (на 1920 г. 20 автономий, среди них: Башкирская, Татарская, Дагестанская, Киргизская, Туркестанская и др. республики; Чувашская, Марийская, Удмуртская и др. области.);

— одновременно с РСФСР в годы Гражданской войны создаются государства советского типа на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии и др. Они не входят в РСФСР и не подчинены решениям СНК, но их лидеры привержены Коммунистической партии [6, с. 8].

Советская власть установилась на востоке и юге Украины в декабре 1917–феврале 1918 г. В это время были созданы: Украинская Народная Республика Советов (Восточная Украина), Донецко-Криворожская Советская Республика, Одесская Советская Республика, Советская Социалистическая Республика Тавриды (позже Крымская Советская Социалистическая Республика). 17–19 марта 1918 г. они объединились в Украинскую Советскую Республику (УСР) со столицей в Харькове и правительством — Народный Секретариат. УСР находилась в составе Советской России. Но весной 1918 г. её существование было прекращено немецкой оккупацией. По окончании Мировой и в результате Советско-польской войны Украина вновь стала советской. Провозглашение Украинской Социалистической Советской Республики (УССР) произошло 10 марта 1919 г. на III Все-

украинском съезде Советов в Харькове. Новое государство приняло свою первую Конституцию. В 1919–1920 гг. на территории УССР шла Гражданская война с участием большевистских, украинских, белогвардейских, польских и других военных формирований. Советская власть была установлена на основной территории УССР к концу 1920 г. Статус советских самостоятельных автономий имели: Бессарабская Советская Социалистическая Республика (май–сентябрь 1919) и Галицийская Советская Социалистическая Республика (июль–сентябрь 1920). Но по Рижскому договору 1921 г. они были отторгнуты от УССР. По окончании Гражданской войны на территории бывшей Российской империи в качестве независимых советских государств существовали: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР.

В 1920–1921 гг. республики устанавливали военный и хозяйственный союз (объединялись наркоматы внешней торговли, финансов, военных и морских дел, путей сообщения, труда, почт и телеграфов). В 1922 г. заключен дипломатический союз — подписан протокол о передаче РСФСР прав по защите интересов советских республик, вплоть до заключения и подписания от их имени договоров и соглашений. Власть в республиках принадлежала национальным компартиям [6, с. 8].

Исторически сложившееся разделение труда, экономическая взаимосвязь регионов делали объединение неизбежным. К тому же осознание принадлежности к единому государству превалировало в настроениях народов бывшей Российской империи. Дала о себе знать общность исторических судеб: миграции, перемешивание населения, смешанные браки, преимущественно мирная колонизация в России.

В руководстве партии существовали различные подходы к принципам построения единого многонационального государства.

Комиссия Политбюро ЦК утвердила проект «автономизации», предложенный И. В. Сталиным — включить Украины, Белоруссии, Закавказских республик в состав РСФСР на правах автономий. В. И. Ленин, резко раскритиковал этот подход. Он считал, что республики должны на принципах федерации создать добровольный Союз при полном равноправии и сохранении за каждой республикой права на свободный выход из государственного союза. Что и было сделано.

30 декабря 1922 г. I съезд Советов СССР утвердил Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (СССР).

31 января 1924 г. II съезд Советов СССР принял первую Конституцию (она состояла из Декларации и Договора об образовании СССР). Конституция признавала республики суверенными государствами — с правом свободного выхода из Союза (к сожалению, порядок выхода не был прописан).

Высшим органом власти был объявлен Всесоюзный съезд Советов, его делегаты избирались местными Советами (1 делегат от 25 тыс. городских жителей и 1 делегат на 125 тыс. сельских жителей). В период между съездами работал Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Советов — он состоял из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Во главе ЦИК стоял руководящий орган — Президиум. Исполнительным органом ЦИК СССР стал СНК (правительство во главе с В. И. Лениным) [2, с. 170; 7].

Новая государственность являлась живым развивающимся организмом, и в устройстве РСФСР и СССР происходили изменения. В 1922 г. в результате объединения бурятских аймаков Иркутской губернии создана Бурят-Монгольская АО в составе РСФСР. После ликвидации ДВР был начат процесс создания общепурятской автономии. 30 мая 1923 г. постановлением ЦИК СССР автономной области бурят-монголов объединены в Бурят-Монгольскую АССР, в рамках которой буряты получили право на реализацию национально-культурной автономии в составе РСФСР [2, с. 170]. В 1924 г. на месте упразднённой Горской АССР созданы Ингушская и Северо-Осетинская автономные области (1924), Карачаевская (1926) и Черкесская (1928) АО. Существовавшая с 1922 г. в Краснодарском крае Адыгейская (Черкесская) АО в 1928 г. была преобразована в Адыгейскую АО. При размежевании на Северном Кавказе земли с преобладанием славянского населения получили казачью автономию в рамках Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечни. (В начале I пятилетки стали частью Чечни и Северной Осетии.) [5]. Так, к 1930 г. в РСФСР помимо автономных республик и областей было создано 33 национальных района, 110 национальных волостей, 2930 национальных сельсоветов. В Сибири и на Дальнем Востоке создавались родовые советы и туземные исполкомы. Подобного рода размежевание имело место в союзных республиках СССР. С точки зрения ВКП(б), этот подход представлял наиболее полные возможности для экономического, политического и культурного развития наций и народностей [2, с. 170].

В 1924–1925 гг. было проведено национально-административное размежевание в Средней Азии. На территории Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик образовались Узбекская ССР и Туркменская ССР.

В 1929 г. было заявлено о создании Таджикской ССР (ранее Таджикистан являлся частью Узбекской ССР). Похожие процессы имели место и в других республиках. Так, в 1924 г. в составе УССР было создано новое автономное образование — Молдавская АССР.

Так, большевикам удалось собрать в единое государство большую, без Польши, Финляндии, Прибалтики и Бессарабии, часть территории Российской империи [6, с. 8]. Современные исследователи оценивают национальную политику большевиков в связи с модернизацией России и спецификой ее цивилизационного развития, отмечая, что «модернизация российской цивилизации по своей сущности не была вестернизацией, страна нашла собственный рецепт осовременивания политики государства в отношении народов России, при сохранении и развитии их куль-

турного своеобразия, обеспечивший широкое участие этнических элит в управлении своими народами и включивший массы в политические процессы» [8, с. 149].

Возникшей в результате событий первой четверти XX в. национальной элите центральным руководством были предоставлены права на управление национальными регионами. Взамен национальная элита гарантировала «центру» политическую и идеологическую лояльность.

Библиографический список

1. Переписи населения всероссийские и локальные. URL: http://irkipedia.ru/content/perepisi_naseleniya_vserossiyskie_i_lokalnye_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 30.01.2017).
2. Новиков М. С. Народы России и национально-государственное строительство в XVI–XX вв.: курс лекций по истории для непрофильных специальностей. Омск: ИП Макшеевой Е. А., 2013. С. 159–173.
3. Сушко А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Ленанд, 2014. 376 с. ISBN 978-5-9710-0874-3.
4. Сушко А. В. К вопросу о роли бурят-монгольского национализма в панмонгольском движении // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2008. № 2. С. 73–79.
5. Национально-государственные процессы на Северном Кавказе в 1917–1919 гг. URL: <http://kvkz.ru/history/2562-nationalno-gosudarstvennyye-processy-na-severnom-kavkaze-v-1917-1919-gg.html> (дата обращения: 26.12.2016).
6. Новиков С. В. Национальные проекты левых партий на переломе эпох: от программных положений к практике большевизма. Конец XIX – первая четверть XX века // Омский научный вестник. Сер. Общество, история. Современность. 2014. № 1 (125). С. 5–8.
7. Наша Родина – СССР. URL: <http://www.cccp-gw.su/USSR> (дата обращения: 8.02.2017).
8. Сушко А. В., Нехаев А. В. Теории национализма и историческая наука: партикуляризм vs универсализм // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 142–152.

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, аспирант кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой «Управление развитием образования».

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 15.02.2017 г.

© М. С. Новиков, С. В. Новиков

«ЗОВУЩИЕ ЗОРИ»: НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОВОМ ОБЩЕСТВЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению народных представлений о новом, справедливом обществе в предреволюционный и революционный периоды в России. Данные представления были связаны с решением важнейших проблем труда, быта, материального благополучия. В народных представлениях о справедливости распределительные аспекты доминировали над производственными.

Ключевые слова: Октябрь 1917 г., народные представления, материальное положение, Россия, СССР.

Формат круглого стола позволяет высказаться по проблемам, казалось бы, напрямую не связанным с заявленной темой. Поэтому начну с того, что считаю крайне неудачной и противоречивой формулировку «Великая Русская революция» о событиях 1917 г. Если она «великая», то почему преадаётся анафеме последующий, до 1991 г., период нашей истории и проводится, пусть и не в таких формах, как в соседней Украине, политика десоветизации? В таком случае, следуя логике, речь идет только о «величии» Февраля, но ведь «февралисты» показали себя совершенно несостоятельными политиками и превратили единую страну в некое подобие «лоскутного одеяла», сшивать которое пришлось уже другим политикам и по другим «лекалам». В таком случае, остается только говорить о «величии» выдвинутых «февралистами» идей, оставляя в стороне исторический контекст, ибо тут возникает вопрос: что же это за идеи, не принятые и не поддержанные своим народом. То, что это так, доказала проигранная ими Гражданская война. В реальности никакого *единого* революционного процесса не было, как и не было жесткой предопределенности следования за Февралем Октября. А была *трагедия* Февраля, когда к власти пришли люди, хотя и говорящие на одном языке со своим народом, но не понимающие его чаяний и стремлений. И красивые слова деятелей Февраля, не подкрепленные конкретным и желанным населением содержанием, превратили их во *временных* политиков.

Стремления и чаяния народа формировались в процессе его исторического творчества. Чтобы определить их содержание, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Прежде всего, «необычайная легкость в мыслях» многих представителей современного политического класса позволяет усомниться в серьезности их аналитического потенциала и возможности его использования при решении поставленной нами задачи. Историческое сообщество, в свою очередь, значительно «одержимо холопским недугом». Поэтому целесообразно обратиться к великой классической русской литературе, отразившей предреволюционную и революционную эпохи во

всей их сложности и противоречивости, к авторам, обладающим не только огромным литературным талантом, но и непререкаемым моральным авторитетом. Известно, что классики литературы в своем творчестве показали не только личный взгляд на эпоху, современниками которой они являлись, но и дух и стремления своего народа. «И неподкупный голос мой был эхо русского народа».

Жизнь деревни на рубеже XIX – XX столетий, настроения крестьянства наиболее четко и рельефно показаны в повести А. П. Чехова «Мужики», написанной в 1897 году. «Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее» — такова повседневная жизнь крестьянина, нарисованная великим художником слова [1, с. 232]. К этому еще добавляется чиновничий произвол: «Самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит «ты» и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?» [1, с. 232].

Горе и безысходность приводили к постоянному и массовому пьянству: «На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвижение пили. На Покров в Жукове был приходской праздник, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественных денег и потом еще со всех дворов собирали на водку» [1, с. 228].

Помощи и защиты просили и ждали только от Бога: «Это было в августе, когда по всему уезду, из деревни в деревню, носили живоносную. В тот день, когда ее ожидали в Жукове, было тихо и пасмурно. Девушки еще с утра отправились навстречу иконе в своих ярких нарядных платьях и принесли ее под вечер, с крестным ходом, с пением, и в это время за рекой трезвонили. Громадная толпа своих и чужих запрудила улицу; шум, пыль, давка... — все протягивали руки к иконе, жадно глядели на нее и говорили, плача: — Заступница, матушка! Заступница!

Все как будто вдруг поняли, что между землей и небом не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита от обид, от рабской неволи, от тяжелой, невыносимой нужды, от страшной водки» [1, с. 229]. Однако помощь с небес не приходила: «Отслужили молебен, унесли икону, и все пошло по-старому...» [1, с. 229].

Была в российской деревне у крестьян еще одна указанная А. П. Чеховым заступница-избавительница от земных страданий — смерть. Поэтому у них сложилось особое, равнодушно-безразличное, отношение к смерти. «Смерти боялись только богатые мужики, которые чем больше богатели, тем меньше верили в бога и в спасение души, и лишь из страха перед концом земным, на всякий случай, ставили свечи и служили молебны. Мужики же победнее не боялись смерти. Старика и бабку говорили прямо в глаза, что они зажились, что им умирать пора, и они ничего. Не стеснялись говорить в присутствии Николая Фекле, что когда Николай умрет, то ее мужу, Денису, выйдет льгота — вернут со службы домой. А Марья не только не боялась смерти, но даже жалела, что она так долго не приходит, и бывала рада, когда у нее умирали дети» [1, с. 229].

Любопытный факт: в период русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. русские солдаты были поражены материальным благополучием болгарского населения, которое оказалось настолько зажиточным и живущим в таком достатке, что наши войска, информированные об ужасах и страданиях братьев-славян, были крайне удивлены видеть, что русский крестьянин был гораздо менее обеспечен, чем болгары.

Не лучше обстояло дело и у вчерашних крестьян, фабричных рабочих. Их жизнь образно и талантливо описывает в повести «Молох», появившейся в 1896 г., А. И. Куприн. Название повести весьма символично. Молох — это божество, требующее человеческих жертв. В повести образ Молоха применяется к капиталистическому предприятию. Труд рабочих характеризуется автором как «тяжкий, упорный, полусуточный», сопряженный с постоянной опасностью для жизни: «Почем знать, — пишет А. И. Куприн, — кому из них уже предначертано судьбою поплатиться в этом труде жизнью: сорваться с высоких лесов, опалиться расплавленным металлом, быть засыпанным щебнем или кирпичом?» [2, с. 56].

Показаны ужасающие бытовые условия проживания семей рабочих, цинизм и равнодушие хозяев. И у Куприна, как и у Чехова, звучит тот же мотив: перемен и помощи людям ждать неоткуда и не на кого надеяться. И рабочие, так же как чеховские крестьяне, обращаются к небесным защитникам: «И на кого, как не на одну только богородицу, надеяться этим большим детям, с мужественными и простыми сердцами, этим смиренным воинам, ежедневно выходящим из своих промозглых, настуженных землянок на привычный подвиг терпения и отваги?» [2, с. 56 — 57].

Тяжкий труд, невыносимая нужда, неустроенный и унижающий человека быт, чиновничий произвол — вот черты повседневной жизни трудящихся слоев, на которые указали А. П. Чехов и А. И. Куприн. Вспоминается, во времена моего далекого детства великая Л. Зыкина пела песню, в которой были слова: «В селах рязанщины, в селах смоленщины / Слово люблю непривычно для женщины. / Там бесконечно и нежно любя, / Женщина скажет: «Жалею тебя». Понятно, конечно же, почему женщины не «любили», а «жалели» своих мужей.

Поэтому массы народа интересовали не красивые фразы о свободе и демократии, а реальные предложения, напрямую влияющие на условия жизни, изменяющие характер труда. А демократическая псевдориторика, как правило, имела обратный эффект. В известном советском фильме «Свадьба в Малиновке» есть такой эпизод: когда один из героев, излагая свою программу, заявил, что он стоит за свободную личность, жители деревни сделали свой вывод: «Значит, будут грабить».

Представления населения о содержании ожидаемых перемен можно проанализировать по материалам пьесы «Зовущие зори», увидевшей свет в 1918 г. Показательно, что авторами пьесы был преимущественно «рабоче-крестьянский» коллектив. Это крестьянский сын Сергей Есенин, родившийся в семье железнодорожного рабочего Михаил Герасимов, сын сапожника Сергей Клычков, и только Надежда Павлович была дочерью мирового судьи. В пьесе дается описание митинга «Грядущий мир». Выступающий рабочий — ветеран революции 1905 г. рисует картину будущего:

— «Работа будет нашим отдыхом, спортом, укрепляющим душу и тело, а не проклятьем»;

— «Мы будем веселиться беспечно, как дети, мы будем плясать на зеленых лугах вокруг изваяния Свободы»;

— «Голодных не будет — дворцы питания вместят всех» [3, с. 331].

Любопытно описание распорядка рабочего дня. В одиннадцать часов дня хорошо одетые рабочие стекаются к «дворцу работы». Рабочие переодеваются в чистые блузы и идут в рабочую читальню, где изучают книги, газеты, журналы. В двенадцать часов рабочие расходятся по рабочим местам. Внутренность завода-дворца украшена пальмами и цветами. Рабочий день заканчивается в три часа [3, с. 331].

Важно заметить, что дореволюционный быт трудящихся в творчестве А. П. Чехова и А. И. Куприна и представления о «грядущем веке» в пьесе «Зовущие зори» содержательно связаны. «Проклятие труда» должно уступить место работе, которая будет «отдыхом, спортом, укрепляющим душу и тело». Скучный и унижительный быт с обилием водки сменит веселье «на зеленых лугах вокруг изваяния Свободы». Невыносимая нужда исчезнет, и появятся «дворцы питания».

Новое содержание, новая эстетика труда отражены также в интерьере «Рабочего клуба», представленного в 1925 г. на Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности в Париже. В интерьер входили складная трибуна, снабженная экраном, раскладной стенкой для плакатов, горизонтальным подиумом для экспонатов или выступлений чтецов, она должна была служить своего рода универсальной декорацией для лекций, бесед, театрализованных вечеров; стол для читальни, шахматный столик, стены украшались картинами русских художников. Автор проекта «Рабочего клуба» А. Родченко получил серебряную медаль выставки.

Нужно сказать, что ожидания населения оправдались. Если до 1917 г. в промышленности средняя продолжительность рабочей недели равнялась 60 часам (10 часов в день), то в 1925 — 1926 гг. продолжительность рабочего дня промышленных рабочих составляла 7,4 ч. В дальнейшем, с сентября 1929 г. в СССР действовала пятидневная рабочая неделя (4 рабочих дня и 1 выходной, с декабря 1931 г. — шестидневная (5 рабочих дней и 1 выходной). Только накануне Великой Отечественной войны, в июне

1940 г., продолжительность рабочего дня была увеличена с 7 до 8 часов, а также был осуществлен переход на 7-дневную рабочую неделю [4, с. 164, 281].

Все рабочие и служащие имели право на ежегодный очередной отпуск не менее двух недель. Уже в начале 1920-х гг. в СССР сложилась система социального страхования на случай временной потери трудоспособности, которая в то время являлась самой прогрессивной в мире. В 1923 г. пособие составляло две трети фактического заработка, с января 1924 г. выдавалось в размере полного заработка. Значительно изменился социальный облик сельского населения. Произошло осереднячивание деревни.

Для несытого в прошлом населения важную роль имело изменение количественных и качественных показателей питания. Интересную статистику по данному вопросу привели А. И. Вдовин и А. С. Барсенков: энергетическая ценность продуктов питания в семьях фабричных рабочих в 1918 г. составляла 1786 ккал, в 1926-м — 3445. При этом улучшалось качество питания, что выражалось в увеличении количества белков и жиров в рационе рабочего. В крестьянской семье в 1926 г. на еду приходилось 30–32 кг мяса, в то время как до революции — 16 кг [4, с. 163]. Еще более солидный мясной рацион имели промышленные рабочие — 72 кг в годовом исчислении [5, с. 181]. Н. В. Вольский, умеренный социал-демократ, политический оппонент В. И. Ленина, в 1920-е гг. работавший в ВСНХ, анализируя положение трудящегося населения, пришел к выводу, что «рабочая масса, в то время сытая и как никогда еще так хорошо не питавшаяся, жившая лучше, чем в царское время, пользовавшаяся рядом привилегий, шла за правительством, не обнаруживая вкуса к авантюрам, перетасовкам, революциям» [5, с. 329].

Следовательно, улучшилось не только материальное положение рабочих и крестьян, но и изменилось их социальное самочувствие, что нашло отражение и в литературе того времени. Возьмем рассказ И. Бабеля «Карл-Янкель» (1923–1924 гг.). В нем описывается заседание показательного суда по делу о проведении религиозного ритуала обрезания крайней плоти у мальчика Карла-Янкеля, осуществленного без ведома отца ребенка. На заседании шел жаркий бой между сторонниками и противниками этого действия, живо и с юмором описанный Бабелем. Литературные достоинства текста оставим для анализа филологам, для нас же здесь важен вывод автора рассказа: «За меня не дрались так, как дерутся за него, мало кому было дела до меня» [6]. И поэтому, по мысли автора, ребенка ждет счастливое будущее.

Демократическая социальная политика советской власти уже в 1920-е гг. имела и обратную сторону: социальные блага стали восприниматься частью населения как должное, их не соотносили с трудовыми затратами. По этой причине, например, повышение норм выработки сопровождалось эксцессами в отношении инженеров и техников. Им угрожали, называли людьми «старого режима», обливали водой, на тачках вывозили с фабрики, били стекла в их квартирах, избивали, накидывали на головы мешки [5, с. 183]. Только благодаря авторитету и настойчивости председателя ВСНХ Ф. Э. Дзержинского удалось преодолеть данную ситуацию и провести кампанию за повышение производительности

труда. Однако инерция подобного подхода оказалась весьма и весьма живучей. Совсем недавно, работая в Российском государственном архиве социально-политической истории, ознакомился с письмом заведующего отделом науки ЦК ВКП (б) Ю. А. Жданова к секретарю ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкову. В нем речь шла о конференции в Институте экономики АН СССР в мае — июне 1950 г. «О путях постепенного перехода от социализма к коммунизму». На конференции обсуждались не проблемы развития производственного потенциала, а вопросы распределения и потребления при переходе к коммунизму. Делались попытки установить последовательность вступления в коммунизм разных по оплате труда групп населения (академиков, квалифицированных и неквалифицированных рабочих и т.д.). Некоторые из выступавших пытались доказать, что началом вступления страны в высшую фазу следует считать такое положение, когда более половины предметов потребления будут распределяться бесплатно, что первыми могут быть переведены на бесплатность не продукты питания, а такие услуги, как внутригородской транспорт, почта, телефон, коммунальные услуги и т.д. [7].

Таким образом, накануне и в годы революции в России массовые представления о справедливом обществе были связаны с решением самых насущных проблем организации труда и быта, улучшения материального положения. Именно эти проблемы были поставлены в повестку дня властью, рожденной Октябрем. Как в народных представлениях о справедливости и правде, так и в практической политике Советской власти в начальный период, а нередко и в более позднее время, преобладали распределительные, а не производственные аспекты.

Библиографический список

1. Чехов А. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 8. Повести и рассказы: 1895–1903. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. 558 с.
2. Куприн А. Повести и рассказы. Мн.: Маст. лит., 1974. 472 с.
3. Есенин С. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М.: Правда, 1970. 383 с.
4. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. 3-е изд., расш. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2010. 846 с. ISBN 978-5-7567-0575-1.
5. Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. 367 с. ISBN 5-270-01297-9.
6. Бабель И. Э. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 170. ISBN 5-280-00170-8, 5-280-00171-6, 5-280-00172-4.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 133. Д. 10. Л. 6-7.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: alex-rychkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017 г.

© А. В. Рычков

ГАЗЕТА «СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ» О СОБЫТИЯХ ОКТАБРЯ—НОЯБРЯ 1917 г. В РОССИИ

В статье анализируется содержание публикаций в газете «Сибирская жизнь», посвященных революционным событиям 1917 г. На страницах издания печаталась информация о ходе восстания большевиков в Петрограде, об отношении к мятежу жителей различных регионов, делались предварительные выводы о дальнейших путях развития страны.

Ключевые слова периодическая печать, Западная Сибирь, революция, революция в России, Октябрьская революция.

Одним из дискуссионных моментов российской истории стали революционные события 1917 г., приведшие к коренным изменениям во всех сферах жизни. В этот период перед страной стояли важнейшие задачи, связанные с перспективами дальнейшего развития: выход из войны, противостояние «старого» и «нового», рабочий, национальный и другие вопросы [1, с. 29]. Споры о предпосылках, ходе и последствиях революции не утихают до настоящего времени. В то же время, как справедливо отмечает Б. Г. Могильницкий, видение событий 1917 г. в России в разные периоды имело свои различия, связанные с внутренним и международным положением страны, когда при осмыслении революции на передний план выходили то одни, то другие грани [2, с. 8]. В этой связи интересно освещение произошедшего в 1917 г. в печати, которая на тот момент являлась единственным источником получения информации для большей части населения. В качестве примера подобного исследования можно привести статью Е. Н. Косых, посвященную партийно-классовой дифференциации печати Сибири в первые месяцы революции 1917 г. Автор обращает внимание на то, что после февральских событий многие либеральные газеты особо подчеркивали легитимность и преемственность новой государственной власти, цитировали и комментировали фрагменты программы деятельности правительства, отмечали всеобщий восторг населения в связи с падением царского режима [3, с. 99–101]. В связи с этим представляется интересным проследить отношение местных изданий к октябрьским событиям в Петрограде.

Местная периодическая печать в октябре—ноябре 1917 г. публиковала множество статей, посвященных восстанию большевиков в Петрограде, что позволяет проследить отношение к нему со стороны отдельных газет. В периодике того времени представлены протоколы совещаний, митингов, собраний, а также письма, запросы представителей разных слоев населения, документы о деятельности местных отделов политических партий, административных учреждений, информация о событиях в России и в мире. В связи с неудовлетворительной сохранностью архивных документов периода революции и гражданской войны многие публикации имеют статус первоисточника [4, с. 4]. События в Петрограде в октябре 1917 г. получили огромный обще-

ственный резонанс, поэтому ни одно издание не могло обойти вниманием эту тему.

В качестве основного источника в статье использованы материалы томской либеральной газеты «Сибирская жизнь», которая практически ежедневно знакомила читателей с последними новостями из столицы.

27 октября 1917 г. в издании была опубликована речь А. Ф. Керенского о вооруженном выступлении большевиков: «В настоящее время существует то состояние столицы, которое именуется состоянием восстания» [5]. В этом же номере была представлена перепечатка из газеты «Новая жизнь», в которой отмечалось, что отношение населения к событиям не отличается определенностью: «Некоторая часть, по-видимому, готова к выступлениям. Другая часть настроена не особенно воинственно и скорее склонна воздержаться от активных действий. Наконец, есть и такие группы, которые относятся к выступлениям отрицательно или совершенно пассивно. Каково соотношение этих трех частей — сказать трудно, но активная часть едва ли составляет большинство» [5]. При характеристике октябрьских событий с самого начала использовались понятия «восстание», «мятеж», но в то же время при анализе материалов чувствуется, что авторы публикаций пока еще вынуждены ориентироваться на общие сведения, пришедшие из Петрограда и напечатанные в центральных газетах.

С 28 октября в «Сибирской жизни» информация о выступлении большевиков стала печататься на первой полосе, постепенно формировалось мнение о его значении в истории: «Еще одно испытание свалилось на нашу страну — может быть, горшее, чем все доселе бывшее. Наше отношение здесь вдали от места событий к происходящему должно заключаться только в спокойствии, в недопущении выступления и эксцессов. Будем твердо верить, что временное правительство найдет силы и средства дать надлежащий отпор этой новой авантюре» [6].

29 октября в газете приводилось мнение, что попытка большевиков захватить власть находится накануне краха. Но, в то же время, в публикациях присутствовало ощущение неопределенности, неизвестности: «Нет разума, есть только смелая, бессмысленная воля, лишенная руководства, способная только разрушать, бессильная создать что-либо.

И это ставит перед нами мучительный вопрос: что же будет далее? Ведь то, что мы видим, этот разгул озверевших, потерявших человеческий облик «взбунтовавшихся рабов» угрожает не только нам, конкретным Ивану, Сидору, Марье, но и всей нашей культуре, всему, что с таким трудом, по крохам, преодолевая тысячи препятствий, собрали предыдущие поколения... Гибнут материальные ценности, но, что еще, пожалуй, важнее, гибнут ценности моральные — вера в народы, вера в Россию и, прежде всего, вера в возможность разумного устройства человеческой жизни» [7]. В этих строках присутствует некое замешательство, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, ожидание серьезных перемен, прежде всего, в политической и духовной сферах.

31 октября в газете была опубликована телеграмма о событиях в Петрограде: «Борьба с мятежниками развивается благоприятно... В восставших петроградских войсках колебание; телефонная станция занята юнкерами; в городе происходят стычки. Население относится к большевикам с ненавистью. Комитет спасения принимает энергичные меры к изолированию большевиков» [8]. Можно уверенно сказать, что в этот момент в Томске было вполне спокойно, и, наряду с информацией о мятеже, об отношении к нему разных слоев населения, издание освещало вопросы текущей жизни региона.

В ноябрьских номерах газеты раздел под названием «Восстание большевиков» становится объемнее. Так, 5 ноября этим событиям посвящена целая страница, речь идет о подготовке восстания, об основных его этапах, о захвате Зимнего дворца и пр. Большой интерес представляет заметка «Цензура и революция», опубликованная в этом же номере. В ней обращено внимание на то, что выпуск газеты был приостановлен на несколько дней. Анализируя сложившуюся ситуацию, автор публикации размышлял о положении печати при новой власти в лице большевиков: «...они еще не упрочили своего положения, они еще и сами не уверены в завтрашнем дне, — а они уже приказывают как самодержцы и диктаторы» [9].

В последующих номерах газеты под заголовком «Восстание большевиков» размещалась информация о событиях в Петрограде, Москве, приводились сведения из разных изданий, напечатанные еще в конце октября 1917 г. Отношение к происходящему было в целом негативное: «Большевики захватили в столице власть, но власти у них и порядка нет... В Петрограде анархия, развал, бесчинства и, по-видимому, голод» [10]. В то же время, на основе информации из газет, характеризовалось состояние в регионе: «сибиряки не поддаются большевикам, и лишь в некоторых городах, как Красноярск или Ачинск, они успели захватить власть и внести большую разруху» [10, с. 2].

Сложившуюся ситуацию в газете уже называли не иначе как гражданской войной: «Анархия в стране, грозящая полным развалом государства, окончательным обессилением и расстройством фронта, гражданская война, льющаяся изнутри, вот уже несколько дней, братская кровь — дело Троцкого, Ленина и их преступной компании» [11]. В публикациях указывалось, что все это временно, сопротивление внутри страны не может продолжаться очень долго, но, как мы знаем, гражданская война существенно затянулась.

Информация о событиях в Петрограде и других города приходила в Сибирь с опозданием на несколько дней, это порождало различные слухи, соз-

давало противоречивую атмосферу: «Положение дел в Петрограде все еще неопределенно. Скучные известия не дают возможности ориентироваться в том, что там происходит, и в том, чего нам ждать в ближайшие дни. Происходит борьба, но борьба, по-видимому, уже не столько за власть, сколько просто война всех против всех, в которой нет ни вождей, ни лозунгов, ни знамен, война, свойственная только анархии и безвластию» [12]. В публикации указывалось, что сведениям телеграфных агентств невозможно полностью доверять хотя бы потому, что они часто противоречат информации немногочисленных газет, «не задушенных цензурой».

В конце ноября большое значение придавалось созыву Учредительного собрания, которое должно было решить вопросы государственного устройства, социальных реформ, войны и мира. В ряде публикаций выражалась надежда, что оно сможет начать свою работу и не будет все же разогнано.

Порой заголовки публикаций говорили сами за себя. Например, общее состояние растерянности, неопределенности отражала заметка под названием «Что же дальше?» профессора И. И. Аносова. Действительно, противоречивость информации, всевозможные слухи только подогревали это состояние: «Что дальше — вот вопрос, снова вставший во всю свою величину перед нашей страной, если еще можно назвать страной те обрывки, клочки некогда великого целого, которое звалось государством Российским, те бьющиеся почти в предсмертной агонии фрагменты, которые враждуют друг с другом, заключают мир и перемирие, увещевают и укоряют друг друга» [13]. В этой же публикации обращалось внимание, что революция привела к полному развалу государственного механизма, автор считал, что народные массы, идущие за большевиками, «в значительной степени движутся отчаянием». Выход из создавшейся ситуации виделся автору в созыве Учредительного собрания, выборы в которое как раз были назначены. В заключение он с горечью отмечал, что невозможно дать ответ на вопрос, вынесенный в заголовок: «Что дальше — трудно сказать. Что в настоящем — об этом тоже трудно говорить... Может быть, завтра будет Учредительное собрание? Поживем — увидим...» [13].

В следующем номере, анализируя дальнейшее развитие ситуации, в «Сибирской жизни» со ссылкой на различные газеты указывалось, что многие регионы воспринимают захват власти большевиками скорее негативно: «в своем огромном большинстве провинция осуждает мятеж, протестует против захвата власти большевиками» [14]. События октябрьских и ноябрьских дней 1917 г. характеризовались как трагедия, но в то же время отмечалось, что новое правительство (которое в одной из заметок было названо «правительством без предрассудков») находится накануне «бесславной ликвидации». В этом же номере обращалось внимание, что власть большевиков — это власть принуждения, поэтому главная задача — «борьба с большевизмом как насилием» [14].

В одном из ноябрьских номеров газеты была опубликована статья под названием «Предательство России продолжается», в ней большевики назывались «самодержавными диктаторами, кровавым насилием дорвавшиеся до власти». Издаваемые ими декреты характеризовались как «безумные и полубредовые». Автор публикации отмечал, что чем дольше большевики остаются у власти, «тем трагичнее и ужаснее становится положение великой страны, развалива-

ющейся на отдельные части, разъедаемой губительным ядом братоубийственной междоусобицы, анархии и разрушения» [15].

Таким образом, материалы газеты «Сибирская жизнь» подтверждают вывод М. В. Шиловского, что вопреки ранее существовавшему в советской историографии утверждению о «триумфальном» шествии Советской власти по стране, в Сибири в рассматриваемый период ничего подобного не наблюдалось. В регионе довольно долго отсутствовало единовластие Советов (до февраля – марта 1918 г.), так как продолжали действовать органы местного самоуправления [16, с. 66].

Периодическая печать Сибири активно освещала революционные события на протяжении всего 1917 г. На страницах «Сибирской жизни» были представлены самые разные темы: отречение Николая II, состав Временного правительства, программные заявления новой власти, отношение населения к происходящему в Петрограде и пр. В то же время стоит отметить, если Февральская революция и ее результаты в печати были встречены сибирской интеллигенцией с воодушевлением, то выступление большевиков в конце октября 1917 г. было воспринято отрицательно.

Отношение к событиям в Петрограде на страницах газеты «Сибирская жизнь» в октябре – ноябре 1917 г. носило негативный характер. Представители новой власти характеризовались как мятежники, развязавшие «большевистский террор» и гражданскую войну. Подобная трактовка вполне объяснима либеральной направленностью газеты, а также свидетельствует о том, что утверждение Советской власти в Сибири происходило постепенно и вызывало активное сопротивление большинства представителей сибирской интеллигенции.

Библиографический список

1. Волобуев П. В., Буддаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5 – 6. С. 28 – 38.

2. Могильницкий Б. Г. Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к ее осмыслению // Русская революция в контексте истории: материалы рег. науч. конф., 6–8 нояб. 2007 г. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. С. 6 – 35. ISBN 978-5-7511-1861-7.

3. Косых Е. Н. Февральская революция 1917 г. и периодическая печать Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 99 – 106.

4. Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.): указатель газет и журналов. Изд. доп. и испр. Томск: Ветер, 2009. 144 с.

5. Сибирская жизнь. 1917. 27 октября.

6. Сибирская жизнь. 1917. 28 октября.

7. Сибирская жизнь. 1917. 29 октября.

8. Сибирская жизнь. 1917. 31 октября.

9. Сибирская жизнь. 1917. 5 ноября.

10. Сибирская жизнь. 1917. 8 ноября.

11. Сибирская жизнь. 1917. 9 ноября.

12. Сибирская жизнь. 1917. 10 ноября.

13. Сибирская жизнь. 1917. 12 ноября.

14. Сибирская жизнь. 1917. 14 ноября.

15. Сибирская жизнь. 1917. 25 ноября.

16. Шиловский М. В. К юбилею опальной революции 1917 года // Русская революция в контексте истории: материалы регион. науч. конф., 6–8 ноября 2007 г. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. С. 61 – 66. ISBN 978-5-7511-1861-7.

ГЕРМИЗЕЕВА Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: vika-germ@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2017 г.

© В. В. Гермизеева

Книжная полка

История стран Азии и Африки после Второй мировой войны. В 2 частях. Ч. 1. : учеб. / Под ред. С. И. Лунёва. – М. : Юрайт, 2017. – 430 с. – ISBN 978-5-9916-6490-5, 978-5-9916-5565-1.

Учебник представляет сквозной курс истории стран Азии и Африки в течение последних семидесяти лет. Структура книги позволяет проследить эволюцию всей зоны Востока, показать кардинальные изменения, связанные с его ролью в мировой системе, выявить закономерности политэкономического и социокультурного развития стран Азии и Африки. В первом томе освещается положение стран Востока к середине 1950-х годов и рассматриваются проблемы Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Южной Азии и Среднего Востока (Иран, Турция, Афганистан), освещается положение стран Востока в современной мировой экономической и политической системе. Во втором томе рассматриваются проблемы Центральной Азии (в которую включена Монголия, которую часто считают частью Дальнего Востока), Ближнего Востока, Тропической и Южной Африки, освещается положение стран Азии и Африки в современной мировой политической и экономической системе.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов и преподавателей высших учебных заведений, а также для всех интересующихся вопросами и проблемами развития и функционирования стран Востока.

ВОСПРИЯТИЕ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ МОЛОДЕЖЬЮ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ 1917-го — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

В статье на основе анализа эпистолярного наследия 1917-го — первой половины 1920-х гг. исследуется вопрос восприятия молодежью революции 1917 г. Доказывается, что общая положительная оценка события была продиктована неосознанной поддержкой главных принципов коммунистической идеологии, а убеждением в быстром переходе к более справедливому и лучшему обществу. Социально-экономические трудности первых лет Советской власти частично подорвали эти взгляды, что привело к увеличению недовольства и пессимизма в среде подрастающего поколения.

Ключевые слова: молодежь, революция, комсомол, РКСМ, письма молодежи.

Революционные события 1917 г. и последующая Гражданская война, безусловно, оказали влияние на все социальные группы России, но больше всего их воздействие ощущалось на подрастающем поколении. Родившаяся на рубеже веков молодежь была втянута в бурные широкомасштабные революционные преобразования, сопровождавшиеся, помимо всего прочего, разрушением привычных социальных структур, традиций, норм и ценностей. Юноши и девушки принимали непосредственное деятельное участие в строительстве нового государства: были ли это массовые демонстрации и митинги, призыв на военную службу, участие в субботниках, политической или экономической жизни. Оказавшись в центре социальной и культурной трансформации, молодежь нуждалась в соответствующих идеологических ориентирах. Традиционно считается, что проводником передовых идей в их среде были Коммунистическая партия и комсомол. Однако ограничивать информационное поле только названными источниками было бы неправильным, так как в период революции 1917 г. и даже в начале 1920-х влияние этих политических институтов на сознание молодых людей не было глобальным. Поэтому представляется актуальным ответить на следующие вопросы: каковы были источники представлений молодежи о будущем, откуда они брали свое вдохновение и стремление к участию в реформировании страны, какие идеи и образы социалистического общества они разделяли, как менялись их взгляды на протяжении времени?

С какими чувствами молодые люди встретили революцию? Это хорошо демонстрируют воспоминания, дневники и письма, дошедшие до наших дней и хранящиеся в архивных фондах. Мысли и чувства молодых людей, зафиксированные в документах, свидетельствуют о позитивном настрое: «что-то хорошее произошло», «в первый раз в моей жизни я почувствовал атмосферу радости», «революция казалась прекрасным праздником», «мы были счастливы», «мы чувствовали впервые себя взрослыми, свободными» [1, с. 8–18]. Революция прервала привычный образ жизни юношей и девушек. Многие были оторваны от учебы, работы, покинули свои

дома. События 1917 г. стали не только главными инструментами политизации молодых людей, но и важным этапом в процессе их взросления. Вместо того чтобы остаться дома, молодежь спешила на улицу, где происходили главные действия. Здесь она усваивала новые правила социального взаимодействия, знакомилась с революционной культурой. Даже не понимая всех революционных аспектов, политических лозунгов, идей, молодежь активно принимала участие в массовых митингах и демонстрациях. Для большей части подрастающего поколения происходящее казалось неизведанным приключением.

Во все времена молодежи свойственна мечтательность, а революционный подъем в 1917 г., кажется, только усилил это явление. Революция — особый этап в развитии общества, который знаменует новый порядок и надежду на лучшее. В это время возникла масса утопий, идеи и концепции будущего мира и счастливой жизни. И такого рода взгляды активно распространялись среди молодых людей, не обладающих большим жизненным опытом и познаниями в политике. Казалось, что лучшая жизнь начнется в ближайшее время. Вовлеченные в исторические изменения многие верили в скачок в новый мир, поэтому объявили себя защитниками нового режима.

Под влиянием революционной эйфории и энтузиазма, а также пропаганды партией идей социалистического общества у представителей подрастающего поколения естественно возник вопрос о том, как выглядит жизнь при социализме или коммунизме?

Научный марксизм не мог стать очевидным источником, откуда молодые люди черпали бы вдохновение и в котором искали бы ответы на вопросы о социалистическом будущем. Работы ранних социалистов (Фурье, Сен-Симона и Оуэна, которых в свое время Ф. Энгельс подверг резкой критике) им просто не были знакомы. В работах Маркса и Ленина кроме общих идей о коллективной собственности, общественной жизни и бесклассовом обществе других теоретических материалов, позволяющих конкретизировать мечты молодых людей, также не было. Родоначальники марксизма сами неоднократно указывали на существующую проблему: отсутствие какой-либо

подробной концепции, объясняющей будущее государство. Даже Ленин в своем выступлении против поправки Бухарина к резолюции о программе партии 8 марта 1918 г. признавал: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем» [2, с. 65]. Отсутствие конкретики, с одной стороны, объединяло людей с очень разными представлениями, но под одним лозунгом «борьбы за лучшую жизнь», а с другой — способствовало распространению утопических представлений о будущем.

Отчеты комсомольских организаций свидетельствуют, что очень небольшое количество молодых людей было знакомо с работами советских политических лидеров. Политическая учеба, начавшаяся в комсомольских организациях вплоть до середины 1920-х годов, наталкивалась на многочисленные трудности и результатов практически не давала. Поэтому свои представления о будущем социалистическом и коммунистическом (молодежь эти понятия не различала) обществе молодежь скорее черпала из богатой традиции русских сказок, научно-популярной фантастической и приключенческой литературы (спрос на которую резко возрос после революции по данным отчетов библиотек [3, 4]), общения со сверстниками. Это было гораздо проще и интереснее, чем пытаться изучать марксизм в кружках, разбираться в сложных трудах по историческому материализму, запоминать труднопроизносимые понятия (эмпириокритицизм и диалектический материализм). В воспоминаниях первых комсомольцев Сибири можно довольно часто встретить суждения о политической учебе в начале 1920-х гг. Их содержание было очень похожем. Так, секретарь комсомольской ячейки с. Волчихи Славгородского уезда Омской области писал: «Доклады делались или политиком, или каким-нибудь приезжим партийцем. Наша братва только слушала, и можно сказать уверенно, что большинство ничего не понимало» [5].

Таким образом, представления о будущем мире у молодежи складывалось скорее на основе их собственных мечтаний и коллективного обмена мнениями. В организуемых беседах о коммунистической жизни выдвигались разные предположения. В большинстве из них отмечалось, что это будет мир без денег и личного имущества, кроме книг и одежды. Сын писателя Александра Серафимовича Анатолий Попов представлял себе коммунистическое общество с «огромными общественными зданиями, которые будут включать огромные столовые, прачечные, детские сады и ясли, чтобы освободить семьи от всех домашних дел» [6, с. 44].

На комсомольских собраниях регулярно делались доклады о социалистическом будущем. Так, в Ново-Николаевском городском комитете РКСМ в 1920 г. с подобной темой выступила комсомолка Пальцева, которая отметила, что «социалистический строй должен в корне перевернуть страну, превратив её из отсталой и рабской в просвещенную и коммунистическую. Новый строй должен дать в десять раз более усовершенствованные машины, вся страна должна покрыться сетью электростанций, фабрик и заводов» [7, л. 8]. В мечтах молодежи измениться должны были не только страна и её социально-экономическая структура, но и сами люди: «при коммунизме все должны быть красивыми и душой и телом, не должно быть жадности и зависти» [7, л. 7].

Важно отметить, что эти мечты часто превращались в реальные убеждения и веру: «Если не сегодня,

то в ближайшем будущем мы будем жить в коммунистическом обществе» [8, д. 336, л. 18]. Молодые люди чувствовали, что они были частью исторических перемен. Некоторые уже видели изменения, материализации надежд на горизонте. Убеждение, что мгновенный переход к социализму или даже коммунизму удался, было широко распространено среди подростков, которые стали участниками революционной деятельности и социалистических молодежных организаций. Радикальная политическая программа и пропаганда большевиков отвечала их революционным мечтам о новом обществе. Таким образом, опыт Февральской и Октябрьской революций помог создать миф возможности мгновенного скачка в коммунизм, который, в свою очередь, вдохновлял большую часть молодежи к действию и мгновенному преобразованию.

Многие молодые люди влюбились в миф, который обещал серьезные исторические изменения в течение очень короткого времени. Их знания марксистской идеологии были слабыми, но вера в неё — сильной! Опыт Гражданской войны, борьба с винтовкой в руках не только укрепили приверженность к коммунизму, но и представление о нем.

Чем сильнее была мечта, тем сложнее происходило осознание очевидных трудностей в достижении заветной цели. В начале 1920-х гг. в письмах молодежи очевиден определенный пессимизм. «Все мои старые убеждения, пропитавшие меня в годы революции, подтачиваются, выбиваются из моей головы сегодняшними днями. Вдумываясь над существующей окружающей жизнью, я все больше и больше убеждаюсь в пустоте моих надежд, с которыми я встретил революцию» [8, д. 507, л. 40 — 40 об.].

Мечты о быстром переходе к новому миру сменились сомнениями в достижимости результата. За объяснением текущей ситуации и просто за помощью молодежь обращалась к политическим лидерам: «Скажите, что мне делать, чтобы я чувствовал твердую почву под ногами, чтобы я был уверен, что мы все-таки придем к социализму?» [8, д. 507, л. 155].

Многие представители подрастающего поколения объясняли свое разочарование и утрату веры введением НЭПа и отступлением от генеральных идей, за которые они боролись в революции, другие обнаружили серьезные противоречия между декларируемыми властью лозунгами и действительностью: «...чем наша власть отличается от царской? Не тем ли, что при царской власти меньше пузаков было, а у нас их больше. Жаль, что прошел 1917 год, не одному бы я брюхо распорол. Ведь вот где настоящие паразиты, подобные клопам!» [8, д. 588, л. 27].

Очевидно, что в 1920-е гг. серьезным образом изменилась тональность в восприятии революции и её достижений. Безусловно, по-прежнему много было молодых людей, которые фанатично верили в её идеалы, но в то же время нельзя не отметить возросшее количество представителей молодого поколения, поставивших под сомнение её результаты.

Молодежь, которая вступала в комсомол и шла добровольцем в армию после революции 1917 г., в абсолютном большинстве не имела четкого представления о коммунистической идеологии, но ее стремление преобразовать общество в лучшую сторону было бесспорным. Утопические взгляды и идеалы о будущем государстве, мгновенном переходе к коммунизму стали движущей силой в революционной работе. Так как эти идеи не были усвоены на основе серьезных теоретических знаний или бога-

того жизненного опыта, а были продиктованы мечтами, часть молодого поколения оказалась не готова к трудностям социально-экономического характера первых лет Советской власти. В их среде появлялись разочарование, непонимание и пессимизм. Эти нежелательные явления преодолевались в течение всего периода 1920-х гг.

Библиографический список

1. Дневники и письма комсомольцев / Сост. М. Л. Катаева; предисл. Ю. Н. Глазкова. М.: Молодая гвардия, 1978. 366 с.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М.: Изд-во полит. лит. 1974. Т. 36. 741 с.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 611. Оп.1. Д. 353. Л. 9–22.
4. РГАЛИ. Ф. 2130. Оп. 1. Д. 8. Л. 31.

5. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. л. 10.

6. Neumann M. The Communist Youth League and the Transformation of the Soviet Union, 1917–1932. London and New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. 289 p.

7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-187. Оп. 1. Д. 16.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. М.-1. Оп. 23.

РЫБАКОВ Роман Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: koi-omgtu@bk.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017 г.

© Р. В. Рыбаков

УДК 94(470)''1917":378.147

Т. В. ГЛАЗУНОВА

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 Г. В РОССИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Статья посвящена исследованию отражения Великой Российской революции в историческом сознании молодежи. Анализируется знание студентов технического вуза об основных событиях революции в России и отношении к ним. Предлагается: увеличить количество часов на изучение революционных событий 1917 г. на теоретических и практических занятиях; акцентировать внимание студентов на ключевых моментах февраля—октября 1917 г.; проследить причинно-следственные связи этих событий и выявить закономерности развития революции.

Ключевые слова: революция 1917 г., причинно-следственные связи революционных событий, анкетирование, студенты технических вузов.

Революция является переломным этапом в общественно-политическом развитии каждого государства. Она кардинально меняет все стороны жизни страны в целом и каждого человека в отдельности, приводит к невиданным разрушениям, огромным материальным, духовным и людским потерям. В то же время она является шансом привести к прогрессивным изменениям. Революция, как способ радикального обновления общества, неизбежна [1, с. 9].

В советские годы выделялось две революции 1917 г. Революцию, произошедшую в феврале, называли буржуазно-демократической, а в октябре — Великой Октябрьской социалистической революцией. В последние годы историки все чаще стали говорить о единой российской революции 1917 г. Вопросы хронологических рамок тоже относятся к числу дискуссионных. Однако уже никто из авторов сегодня не рассматривает октябрь изолированно от февраля 1917 г. [2, с. 112].

Предпосылки революции назревали на протяжении всего XIX в., проявляясь как в обострении социально-экономических противоречий и политической борьбе, так и в духовной трансформации российского общества [3, с. 9]. К началу 1917 г. ситуация в стране значительно обострилась: углубился

политический, экономический и социальный кризис. Царизм и правящая бюрократия все больше утрачивали свои позиции и были не способны разрешить все возникающие проблемы. В начале февраля 1917 г. императором была приостановлена работа IV Государственной думы. Росло число недовольных сложившейся ситуацией.

23 февраля состоялась демонстрация женщин. Уже на следующий день началась стачка, численность которой постоянно росла. Демонстрации продолжались. Постепенно возникали столкновения с полицией. Начались аресты царских министров. 2 марта Николай II подписал отречение от престола за себя и своего сына. В стране образовались новые органы власти: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство.

Легитимность Временного правительства основывалась на том, что его члены, депутаты Думы, были «избранниками народа». Царь перед отречением утвердил князя Г. Е. Львова его председателем [4, с. 426]. Оно объявило широкие политические права и свободы, осуществило амнистию, ликвидировало старую полицию и др. Основные же политические вопросы (аграрный, рабочий, национальный и другие) было принято решать на Учредительном собра-

нии. Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание.

Из-за нерешенности основных вопросов ситуация продолжала накаляться. В стране возникло двоевластие. Митинги и демонстрации проходили непрерывно. Борьба за власть продолжалась.

Осенью 1917 г. экономическая ситуация в стране крайне обострилась. На фронте русские войска продолжали терпеть поражения. Временное правительство так и не решало основных вопросов и не обеспечивало выход страны из мировой войны. По мнению А. Н. Боханова, «Февральская революция никаких задач и никаких идей не осуществила, потому что те задачи и те идеи, которыми она руководствовалась, были фальшивыми» [1, с. 6]. Из-за этого вновь создалась опасность социального взрыва. Большевики начали подготовку к вооруженному восстанию, центром которого стал Военно-революционный комитет. В ночь на 26 октября Временное правительство было арестовано. После октября большевикам удалось удержать власть и создать в стране новую государственность. Реальной альтернативой событиям октября 1917 г. был «анархический бунт и кровавая диктатура военщины». Революция предотвратила хаотический самораспад страны [5, с. 43].

Революционные события 1917 г. не только изменили общественно-политический строй в России, но и оказали огромное влияние на весь ход мировой истории. Видение этих событий в российском обществе на различных этапах его трансформации было весьма разнообразным. Как отмечал Б. Г. Могильницкий: «набирающие силу в российском обществе начала 2000-х гг. стабилизирующие процессы способствуют росту его более взвешенного отношения к своему революционному прошлому, восстанавливающего утраченную в массовом сознании предшествующего десятилетия связь времен» [3, с. 8]. Прошло уже 100 лет, и можно попытаться дать оценку знаниям современной молодежи и их отношению к событиям февраля — октября 1917 г. С этой целью было проведено анкетирование студентов 1-го курса высшего учебного заведения. Методика социологического исследования заключалась в следующем: опрос проводился с помощью анкеты. Анкета по своей структуре состоит из закрытых и открытых вопросов.

В анкетировании, результаты которого публикуются в данной статье, приняли участие студенты 1-го курса Омского государственного технического университета факультетов экономики и управления (ФЭУ) и информационных технологий и компьютерных систем (ФИТиКС). Участвовало 36 респондентов (из них 50 % — ФЭУ, 50 % — ФИТиКС). Было предложено десять вопросов, посвященных ключевым событиям 1917 г., происходившим в России.

94,5 % опрошенных студентов указали, что в смысл понятия «революция» они вкладывают какое-либо изменение или коренной переворот. При этом 11 респондентов (30 %) отметили, что революция может происходить в различных сферах жизни, а не только в общественно-политической. Один (2,7 %) студент отметил, что революция — это политическое событие только XX в. Один (2,7 %) — затруднился с ответом. Также можно отметить, что 27,7 % указали, что изменения или переворот происходит насильственным путем, а один студент (2,7 %) указал, что смена власти при революции происходит естественным путем.

Таким образом, большинством студентов смысл слова «революция» понимается правильно. Но только

30 % опрошенных указали, что революция может затрагивать все сферы жизни.

81 % опрошенных на вопрос о том, что они помнят из школьного курса о революции 1917 г., смогли ответить. Основные моменты, которые смогли вспомнить студенты, можно разделить следующим образом:

- свержение монархии — 30,5 %;
- приход к власти большевиков — 30,5 %;
- Временное правительство — 27,7 %;
- Октябрьская революция — 25%;
- Февральская революция — 11 %;
- Брестский мир — 5,5 %;
- ликвидация частной собственности — 8,3 %.

Три человека (13,8 %) указали цель, причину и крайние даты Февральской революции. Также среди ответов прозвучали: Апрельские тезисы (2,7 %), коммунистическая идеология (2,7 %), власть одной партии. Остальные 19 % затруднились с ответом. Хотелось бы отметить, что только один человек из опрошенных (2,7 %) отметил очередность основных событий, происходящих с февраля по октябрь 1917 г.

Как видим, после окончания школы у большинства опрошенных слабые знания и нет целостного восприятия произошедших революционных событий. У данных студентов отсутствуют система, закономерность, полнота и глубина знаний.

На вопрос об основных причинах революции 1917 г. 55,6 % респондентов отметили Первую мировую войну, 41 % — слабость правительственной власти. Наименьшее число опрошенных указали заговор как одну из основных причин (8 %) и 13,8 % уточнили, что революция носила стихийный характер. Среди своих вариантов ответа чаще встречались: финансовый кризис (25 %), кризис промышленности и сельского хозяйства (30,5 %) и усталость от войны (16,6 %). 8,3 % опрошенных указали противоречия двоевластия как одну из причин. Также можно отметить, что один из опрошенных (2,7 %) считает, что одной из причин революции является «спонсирование большевиков третьей стороной с целью ослабления Российской империи».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что студенты в основном отмечают одну, реже две причины революционных событий 1917 г. Это указывает на отсутствие у студентов понимания совокупности разных факторов, которые явились причиной революции.

Среди политических деятелей, являвшихся современниками событий с февраля по октябрь 1917 г., респондентами были указаны: В. И. Ленин (83 %), Л. Д. Троцкий (47 %), Николай II (44 %), А. Ф. Керенский (25 %), Ф. Э. Дзержинский (13,8 %), А. В. Колчак (16,6 %), П. Д. Долгоруков (11 %), Н. Д. Голицын (11 %), Н. Н. Суханов (8,3 %), С. С. Маслов, Ф. Ф. Раскольников, Л. Г. Корнилов, Н. А. Бердяев, П. Сорокин и И. В. Сталин (по 5,5 %). Среди фамилий также были указаны однократно В. М. Чернов, Б. В. Савинков, М. В. Алексеев, Г. Е. Львов, А. А. Брусилов, Л. Б. Каменев. Хотелось бы отметить, что на ФЭУ часто встречающейся фамилией является Ленин (100 %), а на ФИТиКС шесть человек (16,6 %) не указали ни одной фамилии.

Проанализировав данный вопрос, можно отметить, что большинство студентов указали Ленина как политического деятеля, являвшегося современником революционных событий 1917 г. Более 40 % опрошенных отметили Троцкого и Николая II. Остальное количество политических деятелей знает очень небольшое количество респондентов.

В вопросе о том, как назывался центральный орган власти после Февральских событий, большинство респондентов (94 %) назвали Временное правительство. Один человек отметил Комитет Госдумы (2,7 %) и один затруднился с ответом (2,7 %).

94 % опрошенных указали 25 октября 1917 г. как дату вооруженного восстания в Петрограде, один человек (3 %) — 20 октября и один человек (3 %) — 23 февраля.

На вопрос: «Сколько самопровозглашенных правительств возникло на территории России весной 1917 г.» ответы разделились следующим образом: 69,4 % — два правительства, 8,5 % — пять, 5,5 % — семь и 16,6 % — затруднились с ответом.

55,6 % респондентов отметили, что на II Съезде Советов был принят декрет о выходе России из войны, 16,7 % — об отмене частной собственности на средства производства и 13,8 % отметили декрет о созыве Учредительного собрания. Пять студентов (13,8 %) затруднились с ответом.

Таким образом, большинство студентов правильно ответили на предложенные вопросы.

На вопрос: «Чью бы вы сторону выбрали?» 66,6 % не определились с ответом и только 27,7 % опрошенных ответили, что сторону большевиков. Один студент (2,7 %) отметил, что выбрал бы нейтральную сторону и уехал бы из страны. Монархию выбрал бы один респондент (2,7 %). Свой ответ он обосновал следующим образом: «Поскольку альтернатива в виде большевистской власти после революции привела к существенному ослаблению страны, а также потому, что при царе все же была свобода частной собственности и поддерживались предпринимательские начинания».

Как видим, большинство опрошенных не смогли определить свое отношение к революции. Можно предположить, что причиной данной неопределенности послужило не только отсутствие глубоких знаний по данному вопросу, но и отсутствие консенсуса в обществе по поводу отношения к революции.

Положительную оценку последствиям событий октября 1917 г. указали 47,2 % опрошенных. 22 % считают, что они были для страны катастрофой, а 27,7 % затруднились с ответом. Один студент (2,7 %) из опрошенных дал свой вариант и отметил: «Зачем сейчас вспоминать, что было раньше. Не важно!».

Таким образом, почти половина респондентов дали положительную оценку революционным событиям 1917 г. Около 30 % не смогли определить свое отношение к произошедшему. И только один студент указал, что данные события лучше не вспоминать, т.к. они не важны для страны.

Проанализировав данные анкет, можно прийти к следующему выводу: у студентов 1-го курса имеются отрывочные знания по ключевым событиям февраля — октября 1917 г. Отсутствует понимание взаимосвязей исторических процессов, нет полноты знаний основных событий и политических лидеров революции, а отсюда неумение студентами выразить свое отношение к событиям.

В силу воспитательной функции истории крайне важно, чтобы в образовательном процессе использовались выверенные, достоверные знания о прошлом. Поэтому методика преподавания истории можно отнести к историческому знанию. Современные специалисты подчеркивают, что «методика преподавания истории, как никакой другой гуманитарной науки, неотделима от современного состояния общественного сознания и теоретико-методологического уровня развития исторической науки» [6, с. 20].

Формирование знаний о таких важных исторических событиях, как революция 1917 г., может служить фундаментом научного, патриотического воспитания, а также нравственных идеалов [7, с. 99]. Изучение Великой Российской революции особенно важно в связи с тем, что она дала старт развитию советской эпохи в истории России. Соответственно, получение молодежью достоверного исторического знания о революции формирует ее историческое сознание на основе уважения к прошлому стране и не дает фрагментировать сознание молодежи, вырезав из него как чуждый этап советскую эпоху. Это крайне важно для воспитания подрастающего поколения.

В постсоветские годы можно наблюдать повышение интереса к осмыслению исторических событий 1917 г., т.к. появилась возможность критически их оценить. Однако интерес у населения возникает волнообразно, в зависимости от происходящих событий в стране или юбилейных дат. Если в Советском Союзе революционные события 1917 г. имели важное значение, а день свершения Великой Октябрьской социалистической революции был главным праздником в стране, то в настоящее время изменилось отношение к революции, к ее значимости и, как следствие, наблюдается снижение знаний.

Выявленный уровень знаний показал, что для объективной оценки революционных событий студентами необходимо в процессе дальнейшего обучения обратить внимание на углубление знаний по революции в России 1917 г. для формирования исторического знания молодежи. Отрывочные знания, непонимание взаимосвязей, закономерностей, отсутствие знаний фактического материала о революции, о ее значимости в историческом процессе страны и мира создают почву для спекуляций и манипулирования поведением студентов, неумением их критически воспринимать происходящие исторические события.

Выходом из сложившейся ситуации может служить следующее:

- 1) изучение Великой Российской революции 1917 г. в виде самостоятельной темы, имеющей в своем составе лекционное и практическое занятия;
- 2) акцентировать внимание студентов на лекции, посвященной революции, на ключевых событиях февраля — октября 1917 г.;
- 3) на практических занятиях научить студентов проследить причинно-следственные связи революционных событий и выявлять закономерности развития революционного процесса.

Приложение

Вопросы анкеты

- I. Какой смысл Вы вкладываете в понятие революция?
- II. Что Вы помните из школьного курса о революции 1917 г.?
- III. В чем были основные причины революции 1917 г.?

 1. Первая мировая война.
 2. Слабость правительственной власти.
 3. Заговор.
 4. Революция носила стихийный характер.
 5. Другое.

- IV. Назовите политических деятелей, являющихся современниками событий февраля — октября 1917 г.

V. После Февральских событий 1917 г. центральным органом власти становится:

1. Комитет Госдумы.
2. Совнарком.
3. Директория.
4. Временное правительство.
5. Затрудняюсь ответить.

VI. Назовите дату вооруженного восстания в Петрограде:

1. 10 октября 1917 г.
2. 20 октября 1917 г.
3. 25 октября 1917 г.
4. 23 февраля 1917 г.

VII. Сколько самопровозглашенных правительств возникло на территории России весной 1917 г.?

1. 2.
2. 5.
3. 7.
4. Затрудняюсь ответить.

VIII. Чью бы Вы сторону выбрали в 1917 г.?

IX. II съезд Советов принял декрет...

1. Об отмене частной собственности на средства производства.
2. О выходе России из войны.
3. О созыве Учредительного собрания.
4. Другое.

X. Как Вы оцениваете последствия событий октября 1917 г.?

1. Положительно — она открыла новый период в истории страны.
2. Отрицательно — катастрофа для России.
3. Затрудняюсь ответить.

Библиографический список

1. Круглый стол // Отечественная история. 2007. № 5. С. 3–30.
2. Данилов А. А. Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной молодежью // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: сб. науч. ст. (к 95-летию февраля—октября 1917 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012. С. 108–116.
3. Могильницкий Б. Г. Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к ее осмыслению // Русская революция в контексте истории: материалы рег. науч. конф., 6–8 нояб. 2007 г. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. С. 6–35. ISBN 978-5-7511-1861-7.
4. История России. XX век: 1894–1939 / Ред. А. Б. Зубов. М.: АСТ, 2009. 1024 с. ISBN 978-5-17-059362-0, 978-5-271-23890-1.
5. Хлыстова Н. А. К вопросу о смысле Русской революции // Русская революция в контексте истории: материалы регион. науч. конф., 6–8 нояб. 2007 г. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. С. 43–61. ISBN 978-5-7511-1861-7.
6. Нагаев И. Б., Сушко А. В., Лидер Н. В., Иоаниди А. Ф. Методика преподавания истории России иностранным курсантам в военных вузах: моногр. Омск: Омский бронетанковый инженерный ин-т, 2014. 136 с.
7. Чистяков В. Б. Исторический компонент высшего образования: моногр. М.: Изд-во МГИУ, 2015. 186 с.

ГЛАЗУНОВА Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: tanj-gj@ya.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2017 г.

© Т. В. Глазунова

Книжная полка

История стран Азии и Африки после Второй мировой войны. В 2 частях. Ч. 2. : учеб. / Под ред. С. И. Лунёва. – М. : Юрайт, 2017. – 258 с. – ISBN 978-5-534-03133-1, 978-5-534-03132-4.

Учебник представляет сквозной курс истории стран Азии и Африки в течение последних 70 лет, что позволяет проследить эволюцию всей зоны Востока, показать кардинальные изменения, связанные с ролью в мировой системе, выявить единичное, особенное и общее в развитии стран Азии и Африки. В учебнике основное внимание уделяется внутривосточному и социально-экономическому развитию. Он включает и изучение культурно-цивилизационных и исторических параметров, международных отношений всей зоны Востока. Анализ взаимосвязи экономических, социальных, политических, исторических, внешнеполитических и культурологических измерений и применение многофакторного подхода позволяют дать комплексное знание о трансформации Востока, об основных разнонаправленных векторах различных процессов в Азии и Африке. Во втором томе рассматриваются проблемы Центральной Азии (в которую включена Монголия, которую часто считают частью Дальнего Востока), Ближнего Востока, Тропической и Южной Африки, освещается положение стран Азии и Африки в современной мировой политической и экономической системе.

Для студентов и преподавателей высших учебных заведений, а также для всех интересующихся вопросами и проблемами развития и функционирования стран Востока.

История Японии / Под ред. Д. В. Стрельцова. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 560 с. – ISBN 978-5-7567-0908-7.

Авторами даны наиболее значимые характеристики основных этапов исторического развития Японии, начиная с древности и завершая периодом середины 2010-х годов, выделены основные события и показана роль отдельных исторических деятелей на каждом из этих этапов. Учебник рассчитан на студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по специальностям «Зарубежное регионоведение», «Востоковедение» и «Международные отношения», аспирантов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей Японии.